

Т О Й¹⁾.

(Очеркъ изъ жизни сартовъ).

ВСЯКАГО новичка въ Туркестанѣ нерѣдко озадачиваютъ необычные, странные звуки, которые слышны порою въ туземныхъ селеніяхъ. Иной разъ, еще только забрезжитъ свѣтъ, какъ въ открытыя окна первыми врываются они въ комнату и заставляютъ вздрогнуть свѣжаго человѣка. Они слѣдуютъ одинъ за другимъ, иногда сразу вырываются изъ нѣсколькихъ мѣстъ и дружнымъ эхомъ перекатываются въ утреннемъ воздухѣ. Эти звуки обязаны своимъ происхожденіемъ весьма оригинальной трубѣ, въ которую оповѣщается населеніе о началѣ праздника въ домѣ богатаго сарта по случаю тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. По внѣшнему виду труба представляетъ мѣдный инструментъ около сажени длиною и составляетъ необходимую принадлежность сартовской музыки, въ которой онъ извѣстенъ подъ названіемъ «корнай». Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуются услуги «корная», игрокъ на немъ, «корнай-чи», забирается на крышу дома, пригласившаго сарта, и тамъ на высотѣ приступаетъ къ дѣйствію. Легко подхватываетъ онъ свою саженную трубу, поднимаетъ ее высоко надъ собою и, поддерживая только двумя пальцами каждой руки инструментъ, сильно набираетъ въ легкія воздухъ, выпучиваетъ отъ напря-

¹⁾ Пишество, устраиваемое богатыми сартами въ честь обрѣзанія сына.

женія глаза и, сразу вдувая въ него весь набранный воздухъ, извлекаетъ отрывистый, стонущій звукъ. Такъ реветъ «корнай-чи» часа два или больше, пока не начнетъ собираться народъ, а затѣмъ прекращаетъ концертъ и становится въ ряды музыкан-

Одна изъ улицъ туземнаго Оша.

тонъ. Всякій, кто услышитъ трубу, не дожидаясь особыхъ какихъ-либо приглашеній, можетъ свободно итти на «тамашу»¹⁾ и провести

¹⁾ «Тамаша» сартовское слово, въ переводѣ—зрѣлище.

тамъ весело время. Обыкновенно такъ и бываетъ, и на этихъ праздникахъ, благодаря ихъ полной доступности и возможности даромъ поѣсть, скопляются тысячи сартовъ. Особеннымъ обиліемъ стола и понятнымъ многолюдствомъ отличаются «той», на кото-

Нурметъ-бай съ сыновьями на «той».

рыхъ зачастую цѣлую недѣлю кормится и поится чаемъ масса народа, расходуются сотни пудовъ риса, лепешекъ, баранины, и тысячи рублей бросаются на устройство всевозможныхъ зрѣлищъ, какъ танцы «бачей», скачки съ богатыми призами, наемъ музы-

кантовъ, актеровъ и прочее. Въ небольшихъ городахъ Ферганы, вроде Оша, въ такихъ случаяхъ нерѣдко приглашается на «тамашу» почти все русское населеніе городка, нанимается военная музыка, и тогда устроителемъ «тоя» прилагаются еще большія усилія къ тому, чтобы сдѣлать возможно интереснѣе программу развлеченій и заставить долго говорить о «тоѣ» приглашенныхъ гостей.

Первый «той», который мнѣ пришлось увидѣть, былъ «той» у Нурмета, арбяного «караванъ-баши» и весьма популярнаго ошскаго сарта. Онъ пригласилъ все русское населеніе на свой праздникъ, обѣщавшій быть интереснымъ особенно для меня, мечтавшаго давно познакомиться съ мѣстными нравами. Въ назначенный день я собрался, захватилъ свою камеру и поѣхалъ въ туземный городъ къ Нурмету. Погода стояла восхитительная, ясная, съ теплымъ ласкающимъ воздухомъ. Высокіе тополи городского проспекта неподвижными великанами стояли вдоль улицы и тихо шелестѣли пожелтѣвшей листвою; акаціи и айлантусы съ пышными перистыми листьями словно замерли отъ яркаго солнца и отчетливо рисовались на безоблачномъ небѣ. Было тихо подъ сводами тополей единственной улицы, только заморенная пара моего извозчика мѣрно позвякивала бубенчиками, да журчали мѣстами «арыки»¹⁾, снабжая водой ненасытную землю. Скоро мелькнула тюрьма, послѣднее зданіе русскаго города, и потянулись сѣрые стѣны сартовской части. Экипажъ катился какъ по коридору среди сѣро-желтыхъ «дуваловъ»²⁾, опущенныхъ наверху поблекшей зеленью абрикоса, тута, орѣха, изъ массы которыхъ вырывались стрѣлки пирамидальныхъ тополей или темная шапка могучаго карагача, перевитая лозой винограда. Вся домашняя жизнь сартовъ скрыта отъ посторонняго глаза высокими стѣнами, въ которыхъ мѣстами пробиты калитки, и только на базарѣ можно наблюдать туземную жизнь—шумную и красочную, какова она вообще на Востокѣ. Торговля производится здѣсь подъ открытымъ небомъ, въ легкихъ навѣсахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ тѣсной улицы и устроенныхъ самымъ примитивнымъ образомъ изъ земли и тонкихъ столбиковъ дерева. Подъ навѣсомъ земля выстилается «кошмою»³⁾ и коврами, на нихъ складывается товаръ, и среди послѣдняго оставляется небольшое мѣсто для хозяина лавки. На туземномъ базарѣ почти всегда есть народъ, а въ торговые дни онъ производитъ прямо оглушающее впечатлѣніе на новаго человѣка необыкновеннымъ оживленіемъ, пестрой картинной толпой и яркими красками

¹⁾ Оросительный каналъ.

²⁾ Глиняный заборъ.

³⁾ Войлокъ.

одеждъ и товаровъ. Множество тканей, разноцвѣтныхъ платковъ, шелковыхъ нитокъ, развѣшенныхъ въ лавкахъ, колышется воздухомъ; сверкаютъ на солнцѣ подносы, дешевыя лампы, посуда, стекло; мелькаютъ въ глазахъ ремешки, пояски, «тюбетейки», шитыя шелкомъ, чалмы, подвѣски для женскихъ волосъ; всевозможные фрукты: персики, дыни, айва, виноградъ—разложены въ круглыхъ корзинахъ и прикрыты листвою, чтобы скоро не вяли; тамъ и тутъ шныряютъ сартята, продавая лепешки въ возбужденной торгующей массѣ, которая кричитъ, продаетъ, покупаетъ подъ оглушающій стукъ молотковъ многочисленныхъ кузницъ.

Бачи.

Тянется мимо, раздвигая толпу, съ пронзительнымъ скрипомъ арба съ необъятными колесами и насквозь пропыленнымъ арбакешемъ, напѣвающимъ пѣсню, то ѣдутъ киргизы навстрѣчу, возвращаясь съ покупками въ снѣжныя горы, то появляется сартъ верхомъ на маленькомъ осликѣ, задѣваетъ ногами за землю и, погоняя животное палкой, куда-то торопится, то съ тихимъ звономъ колокольцевъ, съ цвѣтными султанами на головахъ, мѣрными спокойными шагами идетъ караванъ верблюдовъ, направляясь въ Кашгаръ съ мануфактурнымъ товаромъ; глядя на нихъ, невольно тянетъ въ туманную даль, хочешь примкнуть къ каравану, пожить съ нимъ привольнымъ житьемъ и дальше итти навстрѣчу все новымъ и новымъ картинамъ...

Но вотъ мы миновали базаръ и снова вѣхали въ пыльную улицу. Близость конечнаго пункта поѣздки становилась съ каждымъ шагомъ впередъ все виднѣе. Множество пѣшихъ и конныхъ туземцевъ, сартянокъ въ своихъ безобразныхъ мѣшкахъ «фаренджи»; подростковъ обоюго пола стремились вмѣстѣ съ нами на «той». «Хошъ, хошъ!» кричалъ непрерывно татарченкокъ-возница, раздвигая запрягомъ толпу и безцеремонно вѣзжая въ самую гущу. Наконецъ ѣхать дальше стало нельзя, пара рѣшительно стала. Пришлось теперь бросить извозчика и пѣшкомъ пройти до воротъ Нурметова дома, гдѣ стояли «джигиты» для встрѣчи русскихъ гостей. Они быстро окружили меня и, усердно очищая дорогу, провели на внутреннй дворъ, гдѣ находился хозяинъ. Поздоровавшись съ нимъ, я оглядѣлся. Весь обширный, чисто подметенный дворъ представлялъ собою одну цвѣточную клумбу изъ разноцвѣтныхъ халатовъ тысячи зѣвакъ и приглашенныхъ туземцевъ. Тѣснясь насколько возможно, вытянулась около стѣнъ масса зрителей, окаймляя живымъ и плотнымъ кольцомъ небольшую площадь двора, на которой стояли шатры съ пившими чай почетными сартами. Надъ ними выше, на плоскихъ крышахъ хозйскаго дома и дворовыхъ построекъ, помѣщались сартянки съ дѣтьми и съ любопытствомъ оттуда смотрѣли на интересное зрѣлище. Въ свободной части двора, въ тѣни огромныхъ карагачей, тяжело склонившихся надъ мутнымъ прудомъ, расположилась живописная группа музыкантовъ. Впереди другихъ съ кларнетомъ въ рукахъ стоялъ дирижеръ, одѣтый въ красныя шаровары и зеленую куртку съ свѣтлыми пуговицами; нѣсколько сзади находился второй кларнетистъ, одѣтый просто въ халатъ, два-три барабана съ тарелками и пять «корнай-чи» съ громадными мѣдными трубами. Вотъ фантастическй дирижеръ что-то сказалъ, приложилъ къ губамъ инструментъ, «корнай-чи» подняли къ небу гигантскія трубы, и грянулъ изумительный маршъ. Свирѣпо выдувая рѣзкіе звуки, кларнетисты словно старались заглушить своихъ товарищей и, не считаясь съ законами музыки, извлекали все, что могъ дать инструментъ, барабанщики колотили въ тарелки и бубны, какъ кому нравилось, а дюжіе «корнай-чи», вперивши мѣдныя трубы въ спокойно-прозрачное небо, рѣшительно никому не внимая, ревѣли и выли такъ потрясающе, что нетрудно было представить, какъ погибъ Іерихонъ...

Немного поодаль отъ музыкантовъ, въ распахантой пестрой палаткѣ сидѣли «бачи», женоподобные стройные мальчики, около которыхъ суетились, предупреждая одинъ другого въ любезности, ихъ покровители «баи» ¹⁾. Бачи со своими танцами составляютъ излюбленный пунктъ всякой «тамаши» въ Туркестанѣ, и при от-

¹⁾ Бай—богатый человекъ.

Комната богатого сарта.

сутствии женского элемента въ обществѣ сартовъ бачи являются въ немъ предметомъ общаго вниманія и ухаживанія со стороны многочисленныхъ поклонниковъ ихъ красоты. Всѣ три мальчика были въ шелковыхъ костюмахъ, плотно облегающихъ гибкое тѣло, холенныя руки украшались цѣнными кольцами, а на головахъ находились повязки, изъ-подъ которыхъ струились тонкими косич-

«истор. вѣстн.», июнь, 1908 г., т. схи.

15

ками волосы, со множествомъ серебряныхъ и коралловыхъ украшеній...

Обширная комната, куда провожали русскихъ гостей, была набита знакомыми лицами, и въ клубахъ табачнаго дыма стоялъ раскатистый смѣхъ и живой разговоръ. Насколько можно было видѣть, комната почти нисколько не отличалась отъ обычныхъ сартовскихъ комнатъ безъ столовъ и безъ мебели. Стѣны были чисто оштукатурены и заключали въ себѣ нѣсколько нишъ съ красивой отдѣлкой изъ гипса. Въ нихъ находилась кое-какая домашняя утварь, а въ одной, имѣвшей наружу трубу, лежала куча углей и грѣлся «кунганъ» ¹⁾. Полъ комнаты былъ выстланъ толстыми киргизскими коврами, а съ потолка, затѣйливо расписаннаго красками, спускалась обыкновенная столовая лампа. Теперь, по случаю праздника, въ этой комнатѣ находился внушительный столъ, нагруженный разными винами, была разставлена вѣнская мебель и чистый столовый сервизъ, взятый наканунѣ изъ русскаго города. На столѣ, кромѣ винъ, находилось, кажется, все, чѣмъ богата туземная кухня. Въ огромныхъ тарелкахъ дымился излюбленный сартами пловъ изъ риса и нѣжной жирной баранины, «шурна», «кавардакъ» съ такимъ количествомъ перца, что глаза лѣзутъ на лобъ; былъ и цѣлый баранъ, изжаренный по особому способу въ ямѣ, чѣмъ достигается тонкій вкусъ бараньяго мяса, груды лепешекъ, миндаля, винограда, фисташекъ, орѣховъ и разныхъ сластей мѣстныхъ кондитеровъ. Въ шумной массѣ пирующихъ неслышно скользила прислуга и проворно разносила желающимъ чай. Хозяина постоянно въ этой комнатѣ не было, онъ появлялся здѣсь только періодически, раздѣляясь между нами и почетными сартами, чинно сидѣвшими отдѣльно въ шатрахъ; тамъ они, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, угощались бараниной и курили молча «чилимъ» ²⁾. Каждый «бай» поочередно принималъ отъ «малайки» мундштукъ, втягивалъ дымъ чрезъ клокотавшую воду и затѣмъ выпускалъ клубами обратно.

Этимъ временемъ шли приготовленія къ пляскѣ «бачей». Нѣсколько проворныхъ «малаекъ» быстро вытащили изъ нѣдръ хозяйскихъ кладовыхъ огромный коверъ, разостлали его на землѣ и принесли для гостей нѣсколько стульевъ. Простая публика придвинулась ближе къ коври, и какъ только веселая гурьба почетныхъ гостей размѣстилась на стульяхъ, столпилась непроницаемымъ кругомъ. Пришли музыканты дунгане съ оригинальными инструментами вродѣ длиннаго ящика, сѣли на корточки и начали настраивать ихъ, поколачивая тонкими, гибкими палочками струны, натянутыя на ящикъ какъ на обыкновенной цитрѣ. Тутъ же

¹⁾ Особой формы мѣдный сосудъ для согрѣванія воды.

²⁾ Приборъ для куренья табаку, вродѣ кальяна.

около дунганъ устроились съ бубнами сарты и, оживленно болтая, ожидали начала. Черезъ нѣсколько минутъ толпа зашумѣла, торопливо раздвинулась, и передъ нами предстали «бачи». Чуть-

Танецъ бачей въ лодкахъ.

чуть улыбаясь на шумное одобреніе зрителей, они сняли калоши, поклонились и стали втроемъ на коврѣ. Музыканты подняли тонкія палочки, затѣмъ разомъ опустили ихъ на звучныя струны,

и полились неожиданно грустные звуки. Одинъ «бача» отдѣлился и тихо пошелъ по ковру, слегка покачивая корпусомъ и плавно разводя руками въ тактъ монотонной игрѣ. Такъ прошелъ весь коверъ, повернулся на носкахъ вблизи музыкантовъ и, вздрагивая еле замѣтно плечами, возвратился обратно. Этого было достаточно, чтобы сарты пришли въ возбужденье; они хлопали себя по плечу, поднимались на корточкахъ и шумно выражали свое удовольствіе. Вслѣдъ за первымъ «бачей» выступилъ на сцену другой, одѣтый въ бѣлый костюмъ стройный юноша; дѣлая такія же па, какъ товарищъ, онъ легко подвигался по кругу и поводилъ выразительно бедрами. Возбужденіе сартовъ росло съ каждымъ движеніемъ «бачи», толпа зрителей то затихала, жадно слѣдя за фигурами танца, то вдругъ раздражалась бурнымъ восторгомъ. Музыка между тѣмъ учащала свой темпъ, становилась все болѣе увлекающей, палочки дунганъ скользили по струнамъ съ неуловимой быстротой, бубны стучали, какъ только могли, и звонъ ихъ летѣлъ далеко по окрестности. «Бача» на минуту остановился и затѣмъ вдругъ изъ размѣренныхъ, полныхъ нѣги движеній перешелъ въ стремительный танецъ. Чуть касаясь ковра, перебирая быстро ногами, то наклоняясь, то откидываясь красиво назадъ, онъ кружился взадъ и впередъ передъ нами; бросивъ улыбку однимъ, въ слѣдующій мигъ былъ у другого конца, гдѣ снова плясалъ, принимая все разныя позы...

Послѣ небольшого перерыва кругъ раздвинули еще шире и къ «бачамъ»-танцорамъ поднесли небольшія лодки безъ дна, корпусъ которыхъ былъ устроенъ изъ пестраго ситца. Къ бортамъ были прикрѣплены деревянныя башенки, украшенныя полосками жести и разноцвѣтной бумагой. Помѣстившись подъ башенками лодокъ, «бачи» начали танцовать вмѣстѣ съ ними, лавируя одинъ возлѣ другого. Образую шеренгу, они медленно плыли впередъ, кружились порою на мѣстѣ, затѣмъ снова расходились и такъ однообразно танцовали до конца. На смѣну имъ явились борцы. Нѣсколько сартовъ, одѣтыхъ въ шутовскіе костюмы, воспроизводили борьбу силачей. Одинъ изъ нихъ состязался даже съ палкой, которая съ помощью повѣшеннаго на нее рваннаго халата должна была изображать его противника. Онъ то налегалъ на мнимаго соперника, то самъ гнулся подъ его могучимъ напоромъ и наконецъ, подъ гомерическій хохотъ присутствующихъ, перекинулъ себя черезъ плечо и положилъ на обѣ лопатки. Вслѣдъ за борцами съ шумомъ и крикомъ прибѣжали актеры. Всѣ они свои роли кричали насколько возможно. Сарты не оставались спокойными зрителями и выкрикивали отъ себя замѣчанія, такъ что отъ этого представленія гвалтъ и неистовый хохотъ можно было слышать за нѣсколько верстъ... Уже темнѣло и появились звѣзды, когда развлеченія «тоя» были исчерпаны, и, отблагодаривъ хозяина, я вернулся домой.

Н. Корженевскій.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ФЕВРАЛЬ, 1912 Г.

ЧЕРЕЗЪ ПАМИРЪ КЪ ГИНДУКУШУ.

(Отъ Оша до Памирскаго поста).

АСГУПИЛЪ день моего отъѣзда на Памиръ. Чуть свѣтъ на моемъ дворѣ начались сборы въ дорогу. Все запаковывалось, увязывалось, укладывалось въ ягтаны ¹⁾, примѣрно навьючивалось, снова развязывалось; слышались оклики керекеша на своихъ подручныхъ, простецкая брань денщика, возившагося съ какой-то веревкой, и тоскливый перезвонъ колокольчиковъ. Съ моей стороны все было сдѣлано: у доктора я побывалъ—сердце нашель онъ въ порядкѣ и далъ лекарствъ на дорогу; приборы провѣрилъ, въ квартирѣ все заперъ и, оторванный теперь отъ привычнаго дневного порядка, я толкался среди лошадей и разсѣянно смотрѣлъ на спѣшную работу моихъ будущихъ спутниковъ. Это были: сартъ Мирзамать, высокій, здоровый мужчина лѣтъ сорока, съ жидкой бородкой на загорѣломъ лицѣ, одѣтый въ красный сальный халатъ и дорожную киргизскую шляпу; старикъ Додабай, тоже сартъ, бритый, съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, очень бывалый мелкій торговецъ, и расторопный денщикъ кавказецъ Сазоновъ, служившій мнѣ переводчикомъ. Мирзамать былъ керекешемъ, т. е. лицомъ, которому поручались всѣ наши лошади и заботы по ихъ содержанію, Додабай везъ продавать на «Мургабъ» ²⁾ рисъ, кишмишъ, сушеный урюкъ ³⁾ и присоединился къ намъ для компаніи. Вотъ всѣ тѣ лица, съ которыми столк-

¹⁾ Дорожные чемоданы изъ кожи.

²⁾ Такъ говорятъ сарты о памирскомъ постѣ на р. Мургабъ.

³⁾ Абрикосъ по-сартовски.

нула меня судьба, и съ которыми надлежало мнѣ дѣлать теперь горе и радости. Мысли мои какъ-то разбѣгались, не давая ни на чемъ сосредоточиться, и трудно было бы сказать, что заботить и волнуетъ меня въ ту или другую минуту. Чаще все-таки я уносился мыслью впередъ, и фантазія въ причудливыхъ краскахъ рисовала мнѣ горные виды, мрачныя щели и рѣчныя стремнины. Не разъ, впрочемъ, приходила въ голову непріятная мысль о памирской дорогѣ. Кто могъ сказать, что тамъ ждетъ впереди, въ мрачныхъ горныхъ тущахъ? Вынесетъ ли сердце высоту памирскихъ долинъ, усиленно работая нѣсколько мѣсяцевъ? Не придется ли вернуться назадъ, захворавши въ дорогѣ, а то и остаться совсѣмъ на Памирѣ, какъ случилось недавно съ однимъ изъ товарищей? Смущали немного и выючныя лошади. На мой еще неопытный взглядъ, это были страшныя клычн; худыя, заморенныя, мелкія твари, онѣ выглядѣли жалкими одрами подъ огромными выюнными сѣдлами, закрывавшими лошадей почти нацѣло. Не одинъ разъ я подходилъ къ нимъ съ чувствомъ жалости и, поглаживая то ту, то другую, недовѣрчиво качалъ головой, когда Мирзаматъ говорилъ мнѣ: «майли тюря, атъ якши, Кашгаръ кошъ гулялъ!»¹⁾ Только много поздиѣе, когда не одинъ десятокъ утомительныхъ переходовъ сдѣлали мы по Памиру, я оцѣнилъ прекрасныя качества ихъ: незыскательность, копячую ловкость, неутомимость и ту осторожность, съ которой несутъ онѣ выюкъ или всадника на опасномъ карнизѣ.

Какъ ни торопились съ отъѣздомъ, но уже начался жаркій день и яркое солнышко, пробиваясь черезъ листву, чувствительно припекало, когда мы, покончивъ со сборами, наконецъ потянулись гуськомъ по кривымъ улицамъ Оша. Старый городъ давно ужъ проснулся, и на базарчикахъ шла обычная жизнь. Закопѣлыя чайханѣ съ огромными нечищенными самоварами и дремлющими «самоварчи», малайки, разносящіе чай или «чилимы» посѣтителямъ, навѣсы съ мелкимъ товаромъ и фруктами, важныя «баи» въ солидныхъ халатахъ, перехваченныхъ поясомъ съ накладнымъ серебромъ, сѣрые дувалы съ той и другой стороны, сады съ посигѣвшимъ урокомъ и ароматной листвою грецкаго орѣха,—быстро какъ-то прошли передъ глазами, и мы незамѣтно очутились за городомъ. Невѣроятно пыльная дорога потянулась по волнистой мѣстности, то обнаженной, то покрытой полями джугары и кукурузы, пронизанными тамъ и сямъ небольшими арыками, безъ которыхъ здѣсь немислимо полевое хозяйство. Куда ни проникнетъ чудесная влага, тамъ остается голая степь съ жесткими колючками и, наоборотъ, каждая струйка воды отмѣчается сочнымъ зеленымъ бордюромъ.

Влѣво, вдали отъ дороги, на синевѣ южнаго неба красовались снѣжныя отроги Тяньшаня, а направо за зелеными предгоріями

¹⁾ Ничего, баринъ, лошади хорошія, въ Кашгаръ много разъ ходили.

выдвигались параллельными цѣпами зубчатыя, сверкающія снѣгами Алайскія горы, такъ похожія на гигантскія кулисы.

Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ становилось жарче и хуже. Отъ встрѣчныхъ арбъ пыль поднималась облаками и густыми слоями покрывала потныя лица. Приходилось далеко сворачивать въ сторону, чтобы какъ-нибудь избѣжать этой непріятности, или хотя минутку побыть въ спасительной тѣни таловъ, кое-гдѣ обрамлявшихъ дорогу. Только одинъ Мирзамать не считалъ нужнымъ куда-либо сворачивать—ѣхалъ серединой дороги, лѣниво, больше для вида, подхлестывалъ лошадей и выводилъ высокимъ голосомъ какую-то пѣсню съ необыкновенно высокими нотами.

Часа черезъ два за желтыми буграми показались темныя шапки карагачей, а вслѣдъ за ними дувалы и сакли Мадовъ, небольшого кишлака, пріютившагося въ лощинѣ около высокаго насыпного холма, какъ говорятъ, остатковъ китайскаго укрѣпленія. На единственной улицѣ его было безлюдно, и только штуки двѣ невыразимо тощихъ собакъ, изнывая отъ жары и голода, бродили вблизи чайханѣ, недвусмысленно взирая на кусокъ бараньяго бока, подвѣшенный на желѣзномъ крюкѣ и сплошь облѣпленный осами. Хозяинъ чайханѣ—«самоварчи»—сладко дремалъ, прислонившись къ столбу, и не мало пришлось бы положить труда прежде, чѣмъ удалось бы привести его въ надлежащія чувства.

Мы переѣхали «сай» и стали взбираться на гору около могучихъ развѣсистыхъ карагачей. Взобравшись, я оглянулся назадъ и въ послѣдній разъ поглядѣлъ на красивую даль покидаемой мѣстности. Въ синеватой мглѣ, куда убѣгалъ желтой лентой только что пройденный путь, еще хорошо можно было различить сады города Оша, скалистый массивъ Сулейманъ, вздымавшійся островомъ изъ зеленаго моря, а за ними безплодный хребетъ Чильмайрама. Теперь предстояло надолго разстаться съ цвѣтущей долиной, ея теплымъ, нѣжнымъ ландшафтомъ, и въ душѣ какъ-то невольно шевельнулось сожалѣніе, и одна за другой потянулись непріятныя, мрачныя мысли. За горой условія пути измѣнились въ худшую сторону, и хотя почти не было пыли, но зато на нѣсколько верстъ кругомъ нельзя было замѣтить какое-либо, хотя чахлое деревцо. Солнце пекло нестерпимо, хотѣлось пить, а между тѣмъ вода во фляжкѣ стала горячая. Насъ охватила сонливость, отяжелѣвшія вѣки слипались и звенѣло въ ушахъ отъ стрекотанья кузнечиковъ. Безлюдье кругомъ было полное—встрѣчь никакихъ, и только близъ зимовокъ Акъ-джаръ намъ попало нѣсколько верблюдовъ, какихъ-то лохматыхъ, съ не вылинявшей шерстью, которые паслись безъ всякаго присмотра и собирали скудный кормъ на этой пустынѣ. На поворотѣ въ ущелье Талдыкъ стало нѣсколько лучше: съ горъ потянуло холодкомъ, и свѣжій воздухъ, вливаясь въ уставшую грудь, быстро развѣялъ дремоту. Всѣ какъ-то весело задержали поводьями, зашеве-

лились и бодрымъ шагомъ поѣхали вверхъ по рѣкѣ къ станціонному домику.

Жара почти спала, когда мы добрались до урочища Ляпгаръ, въ которомъ устроены рабаты. Кромѣ него, въ урочищѣ оказалось еще нѣсколько мазанокъ, въ которыхъ поселились русскіе люди. Какъ видно было, все бѣднота, бѣжавшая сюда отъ малоземелья. Все у нихъ кое-какъ сплочено, наспѣхъ прилажено, словно селились тутъ на педѣлю. Пара мелкихъ свиней, рывшихъ землю около хаты, и малорусская арба безъ переднихъ колесъ, брошенная у самой дороги, дополняли убогій видъ русскаго поселка въ Ляпгарѣ. Внутри станціи было чисто, уютно, и кровать, закрытая киргизскимъ ковромъ такъ и манила уставшее тѣло къ пріятному отдыху. Отъ сторожа изъ запасныхъ солдатъ можно было получить самоваръ, хлѣбъ, молоко и отлично закусить въ болѣе или менѣе европейскихъ условіяхъ... Тѣмъ не менѣе почевать здѣсь мы не остались, а, выкормивъ хорошо лошадей, рѣшили добраться въ этотъ же день до Гульчи. Для вѣрности дѣла мы поѣхали прямой дорогой на перевалъ Така и Капланъ-кульское озеро, такъ какъ другая дорога на перевалъ Чигирчикъ хотя хороша, но много длиннѣе первой. Почти тотчасъ же за рабатою мы свернули съ большой дороги, переправились на другую сторону рѣчки и вступили въ боковое ущелье, идущее на юго-востокъ къ перевалу Така. По обѣимъ сторонамъ нашей дороги потянулись теперь зеленые склоны пологихъ холмовъ, пестрѣвшихъ цвѣтами. Кое-гдѣ встрѣчались киргизскія юрты, до половины скрытыя зеленою, въ которой мелькалъ иногда пестрый халатъ шедшей къ ручью молодой пугливой киргизки.

Ѣхать было удивительно хорошо: сочная зелень, отсутствіе пыли, ароматный воздухъ, тишина, все это вмѣстѣ взятое порождало спокойное мечтательное настроеніе, изъ-за котораго не замѣчалась дорога.

Подъемъ, однако, дѣлался круче, ущелье суживалось и по тому, какъ рѣдѣли кустарники и мельчала трава, была ощутительна близость вершины. Вотъ, наконецъ, мы ѣдемъ по каменистому склону, лошади усиленно карабкаются по нему загзатами и какъ-то разомъ выносятъ насъ на узкій гребень перевала Така.

Видъ съ него открывается неожиданный по обширности горизонта и оригинальности красокъ. Прямо передъ зрителемъ на громадномъ пространствѣ—хаотическая масса горъ и холмовъ. То желтыя, то зеленыя, то фіолетовыя, онѣ, какъ волны остывшаго моря, отливали на солнцѣ всевозможными красками и создавали рѣдкій, фантастичный ландшафтъ.

Мы стали спускаться. Тропа въ одномъ мѣстѣ повела насъ такою другою осыпью, что пришлось сойти съ лошадей и провести ихъ въ поводу. За осыпью стало значительно лучше, такъ что безъ хлопотъ мы спустились въ обширную котловину Капланъ-кульскаго

Ущелье р. Гульчинки.

озера. Еще издали стало мнѣ ясно, что озеро не похоже на то, что я рассчитывалъ встрѣтить. То, что представилось намъ, походило скорѣе на хорошую лужу, чѣмъ на озеро, по своимъ весьма скромнымъ размѣрамъ. Добрая половина его заросла высокимъ и густымъ камышомъ, въ которомъ ютилось множество утокъ. Стоило только подѣхать или хлопнуть въ ладоши, какъ онѣ десятками вырывались изъ зарослей и съ крикомъ неслись около носа. Пришлось пожалѣть, что въ сборахъ забыли про дробовики и захватили только винтовки. Безъ особыхъ затрудненій можно было бы набить себѣ дичи и устроить въ Гульчѣ лукулловскій пиръ. Въ ожиданіи Мирзамата, оставшаго съ вьюками подѣ переваломъ, мы устроили здѣсь небольшой привалъ и расположились у мазара на могилѣ Каплана, въ честь котораго названо озеро. Такіе мазары встрѣчаются часто, и сплошь да рядомъ киргизы сооружаютъ ихъ въ мѣстахъ просто чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ, то близъ пещеры, то близъ ключа съ горячей водою, и украшаютъ ихъ рогами кіиковъ, архаровъ, пестрыми лентами и лоскутками по обѣту или въ знакъ посѣщенія.

Кладбища свои киргизы всегда отмѣчаютъ мазарами малыми или большими, смотря по достатку, и при этомъ сооружаютъ ихъ часто въ такихъ недоступныхъ мѣстахъ, что удивляешься, кого они тамъ могли хоронить и кто туда ѣздитъ молиться.

Солнце склонилось за горы. Стало смеркаться. Какъ-то сразу жаркій день перешелъ въ холодныя сумерки. Надъ озеромъ поднялся туманъ и за клубился нѣжными волнами. Постепенно скрылись изъ глазъ камыши, и скоро на мѣстѣ озера заколыхалась пелена густого тумана. Дневная жара угасала, становилось тихо, и только надъ озеромъ слышались всплески воды, да тявкала въ далекомъ аулѣ собака.

Надо было трогаться—вьюки не показывались, а впереди насъ ожидали еще перевалъ и бродъ подѣ Гульчей. Мы поднялись и, поторапливая лошадей, скоро достигли перевала Чильбели, окруженнаго пологими, мягкими склонами. Не доѣзжая до гребня, въ сторонѣ отъ дороги мы замѣтили грифа, терзавшаго падалъ. Въ первый моментъ я принялъ его за барана, но потомъ разглядѣлъ и, спрыгнувши съ лошади, выстрѣлилъ... Гулко раскатился мой выстрѣлъ въ окрестности и тотчасъ стало ясно, что я поспѣшилъ: грифъ взмахнулъ саженными крыльями, подскочилъ и, вытянувъ голую шею, поднялся съ добычи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого мы поднялись на вершину перевала и увидѣли панораму Гульчинской долины. По срединѣ ея извивалась стальной полосой рѣка, виднѣлся лѣсокъ, а за нимъ поближе къ горамъ бѣлые дома укрѣпленія. На горизонтѣ вдали поднимались свѣтлые хребты и свѣтились на зарѣ нѣжными золотистыми красками.

На первыхъ шагахъ склонъ перевала къ Гульчѣ очень крутой да и глинистый, такъ что послѣ дождя пройти по нему дѣло нелег-

кое. Дальше онъ нѣсколько лучше, идетъ какъ бы уступами и переходитъ въ пологій берегъ рѣки Гульчи. На переправѣ мы еще застали киргизовъ, которые проводятъ по броду, вообще очень коварному, всѣхъ не желающихъ подвергаться случайностямъ. Вода стояла высокая, и рѣка внушительно ворочала камни. Киргизы осмотрѣли нашихъ коней, подтянули подпруги и, окруживши тѣснымъ кольцомъ, вмѣстѣ съ нами съѣхали въ рѣку. Снопъ брызгъ полетѣлъ намъ въ лицо, и почти по сѣдло мы очутились въ водѣ. Дальше все какъ-то смѣшалось и переплелось въ безпорядкѣ. Въ темнотѣ трудно было разглядѣть обстановку и разобраться въ на-

Новый рабатъ въ урочищѣ Суфи-Курганъ.

ступившемъ хаосѣ. Клокотанье воды, грохотъ камней, крики киргизовъ, пугливый храпъ лошадей, все слилось въ оглушающій шумъ и громкимъ эхомъ несло надъ рѣкою. Тѣмъ не менѣе мы благополучно выбрались изъ рѣки на другой берегъ и поѣхали рощей тополей къ укрѣпленію. Оно находится совсѣмъ близко отъ переправы и состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій для небольшого гарнизона. Кромѣ того, при немъ есть телеграфъ и сартскій базарчикъ, на которомъ можно достать баранину, рисъ и лепешки. Ночевать пришлось у волостного, радушно пріютившаго насъ у себя. Вьюки пришли въ Гульчу съ большимъ опозданіемъ. Ихъ захватила ночь еще на озерѣ, и переваль Чильбели они проходили почти ощупью.

Лошади не разъ падали, вьюки распутывались, обрывались веревки, и только поздною ночью Мирзамать достигъ переправы, у которой рѣшили ночевать, не рискуя пуститься въ рѣку на измученныхъ лошадяхъ и безъ провожатыхъ. Такимъ образомъ, мы прошли за этотъ день шестьдесятъ верстъ, но результатомъ такого форсированнаго марша была необходимость устроить дневку въ Гульчѣ и полная порча дорогого прибора.

На другой день погода испортилась, въ воздухѣ похолодѣло, и, быть можетъ, потому первое впечатлѣніе отъ Гульчи у меня осталось неважное.

Сдавленная со всѣхъ сторонъ горами, по которымъ ползли сѣрыя дождевыя облака, Гульча имѣла печальный видъ позабытаго міромъ угла. Монотонный шумъ рѣки и рѣзкій вѣтеръ, дувшій изъ ущелья, какъ изъ трубы, гармонировалъ съ общимъ ландшафтомъ и нагонялъ печальныя мысли. При другой погодѣ Гульча значительно лучше и въ этой мѣстности, какъ хорошей климатической станціи, могла бы процвѣтать курортная жизнь, если бы не столь тяжелыя сравнительно пути сообщенія. И теперь нерѣдко пріѣзжаютъ сюда изъ долины ¹⁾ то на кумысъ, то отъ жары, но все это единицы—не больше. Окрестности Гульчи довольно красивы и сравнительно недавно еще славилась обиліемъ дичи и, между прочимъ, фазановъ, но съ водвореніемъ русскаго гарнизона въ Гульчѣ эта птица перевелась, дичь вообще порѣдѣла и уцѣлѣли, кажется, одни кабаны, да и тѣхъ осталось немного.

Было пасмурно и свѣжо, когда мы выѣхали изъ Гульчи въ Суфигуранъ. Лошади хорошо отдохнули, и передъ моими глазами снова закачались ихъ нагруженные спины, и снова заговорили длинную повѣсть шейные колокольчики. Прошли конный дворъ, гдѣ съ недоуздкомъ въ рукахъ казакъ пытался поймать свою лошадь, прошли мимо стѣнъ укрѣпленія, скрытаго отъ глазъ тополями, шумѣвшими словно по осени, обогнули привѣтливый домъ телеграфной конторы, и вотъ Гульча позади, и мы снова въ дорогѣ.

За широкимъ плацемъ, на которомъ учились казаки, начались Алайскія горы и скалистое ущелье рѣки Гульчи, текущей съ перевала Талдыкъ. Чѣмъ дальше поднимались мы по рѣкѣ, тѣмъ мрачнѣе и эффектнѣе открывались картины, и на каждомъ поворотѣ глазъ плѣнялся красивымъ сочетаніемъ коричневыхъ скалъ и пышной зелени, обрамлявшей рѣку. Дорога часто переходитъ съ одного берега на другой по живымъ, кое-какъ устроеннымъ мостикамъ и то стелется около кипящей рѣки, то забирается высоко по скалистому берегу. Надъ водою склоняются заросли шиповника, клена, рябины, березы, травы, поражающей мощнымъ развитіемъ; тамъ и тутъ кажутся стрѣлки розовыхъ эремурусовъ, словно посаженныхъ рукою

¹⁾ Ферганы.

Въ киргизскомъ аулѣ. (Урочище Катта-Караколь).

садовника, пестрятъ среди камня чашечки мака, व्यюновъ, головки дикаго лука нѣсколькихъ видовъ, а выше по обрывамъ зеленѣетъ арча, особый видъ можжевельника, доставляющій ароматное топливо и прочный матеріалъ для построекъ.

Погода портилась все больше и больше. Наконецъ облака опустились почти на голову, пошелъ мелкій дождь, и пронзительный вѣтеръ задулъ намъ навстрѣчу. Ущелье потемнѣло, все слилось въ темно-сѣрую массу, слезающуюся, унылую. Невольно подумалось о тепломъ углѣ, самоварѣ, кровати, но до рабата еще было далеко. Бѣда шагъ за шагомъ съ व्यюнными лошадьми, на мокромъ сѣдлѣ и въ мокрой одеждѣ съ непривычки ужасно томила.

— Ой, Мирзамать, качна чакрымъ колды? — кричу я ¹⁾, теряя надежду пріѣхать когда-либо въ Суфи-курганъ.

— Якынъ, тюря, якынъ! ²⁾—говоритъ Мирзамать и, доставши второй халатъ, накрываетъ имъ себя съ головою.

Я запасаюсь терпѣніемъ и начинаю съ удвоеннымъ вниманіемъ смотрѣть, нѣтъ ли впереди насъ просвѣта. Но, пока что, кругомъ тѣ же утесы, хлопанье лошадиныхъ копытъ, дождь и шумъ рѣки, ровный, навязчивый. Наконецъ достигаемъ половины пути, ущелье расходится, и передъ нами вмѣсто скалъ пологіе склоны урочища Кизиль-курганъ, въ которомъ находятся двѣ-три зимовки. Мы подъѣхали къ ближайшей изъ нихъ, но въ ней было тихо и пусто. Всѣ обитатели ушли на лѣтовку, и только старый, словно забытый, киргизъ одинъ ворошилъ здѣсь у лачужки. За Кизиль-курганомъ горы опять подступаютъ къ рѣкѣ и въ урочищѣ Янги-арыкъ, гдѣ разрѣзается хребетъ Туюкъ-су, онѣ образуютъ тѣснину—мѣсто рѣшительной стычки русскихъ съ киргизами ³⁾. Темныя скалы, нависшія надъ бурнымъ потокомъ, доставили киргизамъ такую позицію, что попытки атаковать ее съ фронта не имѣли успѣха, и лишь обходное движеніе заставило Абдулла-бека бѣжать и скопище киргизовъ разсѣяться. Не такъ давно еще, говорятъ, можно было видѣть остатки позиціи, но теперь трудно что-либо усмотрѣть здѣсь на скалахъ среди хаоса камней... Проѣхавши Янги-арыкъ, мы догнали киргизовъ, которые шли на лѣтовку. Это было интересное грандіозное зрѣлище. Насколько было видно впередъ, вся дорога и часть прилегающаго склона захлебнулись людьми и животными. Сотни киргизовъ, старыхъ и малыхъ, ѣхали семья за семьей на коняхъ, на быкахъ и верблюдахъ, украшенныхъ лентами, бахромой и кистями. Длинной цѣпью тянулись верблюды, неся на себѣ цѣлыя горы киргизскаго скарба. Тотъ, смотришь, навьюченъ котлами, тотъ несетъ сундуки, тѣ почти скрыты коврами, этотъ тащитъ юрту,

¹⁾ Эй Мирзамать, сколько верстъ осталось.

²⁾ Близко, господи, близко!

³⁾ 25 апрѣля 1876 года. Отрядомъ командовалъ ген. Скобелевъ.

а самый рослый верблюдъ, весь до пять разукрашенный, несетъ хозяйку съ дѣтьми. Бараны и козы бѣжали по кручамъ, табуны кобылицъ, жеребятъ съ громкимъ ржаньемъ толпились со всѣми и, прорвавшись впередъ, неслись вразсыпную подъ лай топчихъ собакъ и хриплую ругань погонщика. Словомъ, передъ нами открылась живая страница угасшаго прошлаго, тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, когда кочевали народы и, сметая все по пути, расселялись въ Европѣ. Все до послѣдней мелочи этого шествія было полно интереса, первобытной прелести и привлекало вниманіе. Позабывъ про усталость и дождь, моросившій словно изъ сита, я погонялъ утомленную лошадь и перебѣждалъ отъ одной группы къ другой, стараясь схватить и запомнить детали... Такъ шагъ за шагомъ съ киргизами мы незамѣтно подошли къ Суфи-кургану и остановились на ночлегъ въ рабатѣ, почти не устроенномъ. Еще для лошадей въ немъ имѣлись навѣсы, но для людей, кромѣ тѣхъ же навѣсовъ, ничего не было сдѣлано. Теперь этотъ рабатъ передѣланъ, въ немъ устроена комната съ большими удобствами для глухого урочища, повѣ то время было отъ чего прійти въ большое уныніе. Излишніе и промокшіе, мы устроились рядомъ съ лошадьми, разостлали кошму ¹⁾, развели костеръ и начали сушить мокрыя вещи. Съ огонькомъ стало какъ будто бы лучше, и подъ шумъ дождя и рѣки, поговоривши немного, мы скоро и крѣпко заснули. Впрочемъ, къ нашему горю, навѣсъ сталъ протекать, стало холодно, и какъ мы потомъ ни изловчались, но ничего не могли сдѣлать и остатокъ ночи провели очень прохолодно. Рано утромъ потянулись мы дальше. Дождь пересталъ, но было пасмурно и нельзя было ждать переменъ. Мутныя облака неслись безпорядочной массой, закрывая вершины и даль. Мы переправились черезъ Терекъ-су, текущую съ перевала Терекъ-даванъ, на который пролегаетъ дорога въ Кашгарію, и затѣмъ опять пошли по берегу Гульчи въ Акъ-босогу. Съ каждымъ шагомъ впередъ ущелье становилось шире, просторнѣе, и дорогу обрамляли не столь крутые, зеленые склоны. На десятой верстѣ дорога оказалась размытой и намъ пришлось ѣхать рѣкой, старымъ высохшимъ русломъ. Какъ ни плохо было ѣхать по камню, тѣмъ не менѣе все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока облака не закрыли снова все небо. Опять начался проливной дождь, и, какъ ни хотѣлось, пришлось отказаться отъ мысли пройти въ этотъ день на Алай и подумать, гдѣ бы переждать непогоду. Добравшись до рѣки Кара-коль, притока Гульчи, мы съ удовольствіемъ замѣтили близъ дороги аулъ и направились къ юртамъ. Нѣсколько кудластыхъ здоровыхъ собакъ сторожило покой обитателей. Увидѣвъ чужихъ, онѣ тотчасъ же бросились, и, вѣроятно, плохо было бы намъ, если бы не подошли хозяева. Но киргизы тотчасъ вышли на лай, увидѣвъ, въ чемъ

¹⁾ Войлокъ.

дѣло, отогнали собакъ, приблизились съ намъ, взяли лошадей подъ уздцы и торжественно повели ихъ къ юртѣ старшины, стоявшей нѣсколько поодаль. Она была обтянута бѣлой кошмой и среди другихъ, закоптѣлыхъ, приплюснутыхъ юртъ выделялась нарядностью и размѣрами.

Въ ней пылалъ огонекъ, и, когда мы вошли черезъ низкія двери, въ носъ пахнуло тепломъ, дымомъ арчи и охватила та атмосфера уютнаго кочевого жилища, о которомъ сладко помечтать на сѣдлѣ, когда ѣдешь въ горахъ и предстоитъ еще много пробѣхать скучныхъ томительныхъ верстъ по безплодному камню въ ненастье.

Внутри юрты былъ полный порядокъ; все было прибрано, аккуратно уложено, и сундукъ, прислоненный къ стѣнѣ, сіялъ жестяными узорами. Пока развьючивали лошадей, пили чай съ горячими баурсаками ¹⁾, тѣмъ временемъ дождь пересталъ и можно было выйти наружу, подышать свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ. Скоро прояснилось совѣтъ, и яркое солнце заиграло алмазами на росистой, словно вымытой зелени. Весь ландшафтъ просвѣтлѣлъ, оживился, и мутная рѣка заиграла серебристыми блестками. Вѣтеръ улегся, затихъ; облака окружали вершины, причудливо громоздились на нихъ и, скользя внизъ по утесамъ, таяли въ воздухѣ. Вечеръ наступилъ тихій и ясный. Солнце сверкнуло, прощальнымъ лучомъ озарило долину, наши юрты, стада и закатилось за горы. Стало темно, и только склоны сосѣднихъ вершинъ еще слабо алѣли, да сіѣга далекихъ зубчатыхъ хребтовъ мерцали, переливаясь мелкими искрами...

Сѣренькимъ утромъ мы распрощались съ киргизами. Тотчасъ за мѣстомъ нашего почлега начался переваль Кизиль-белесъ, почти незамѣтный, за которымъ дорога приводитъ къ обширному зеленому лугу, называемому Ольгинымъ. Этотъ живописный уголокъ лежитъ въ широкой вилкѣ Алайскаго хребта и обрамленъ густыми зарослями арчи. По дорогѣ на каждомъ шагу мы встрѣчали сурковъ, и весь этотъ лугъ былъ испещренъ ихъ глубокими норами. Не смущаясь нашимъ присутствіемъ, они спокойно гуляли, тяжело переваливаясь, становились на заднія лапки, обнимались между собою и съ рѣзкимъ крикомъ исчезали въ норѣ, коль скоро замѣчали опасность. Благодаря этимъ животнымъ, здѣсь не было беззвучнаго царства скалъ, мертваго и подавляющаго застывшимъ спокойствіемъ. За Ольгинымъ лугомъ дорога пересѣкаетъ Гульчу, имѣющую видъ небольшого ручья, и опять входитъ въ горы, въ тѣсное лѣсистое ущелье. Подъемъ замѣтно усиливался, и каждая верста переносила насъ на нѣсколько сотъ футовъ въ высоту. У подошвы Талдыка арчевникъ мельчаетъ, ущелье расходится, и открывается видъ на сѣверный склонъ перевала. До самаго гребня онъ изрѣзанъ

¹⁾ Кусочки тѣста, закаренные въ салтѣ.

Видъ на сѣверный склонъ перевала Талдыкъ въ Алайскомъ хребтѣ.

зигзагами колесной дороги, благодаря которой Талдыкъ является доступнѣйшимъ въ Алайскомъ хребтѣ переваломъ. Къ сожалѣнію, онъ бываетъ открытъ только три, рѣдко четыре лѣтнихъ мѣсяца, въ остальное время на немъ лежить снѣгъ, и онъ закрывается. Почти рядомъ съ Талдыкомъ есть другой переваль Кой-юлы, правда, страшно крутой, но зато доступный въ теченіе года, и трудно понять, почему разработанъ не онъ, а почти пегодный сосѣдь. По мѣрѣ того, какъ мы взбирались наверхъ, становилось холоднѣе и приблизительно на половинѣ дороги, гдѣ попадался не стоявшій снѣгъ, пошла мелкая, почти ледяная крупа. Слмочувствіе наше было прекрасное, настроеніе бодрое, и оно не измѣнилось на высшей точкѣ пути, гдѣ также не было проявленій горной болѣзни, и только учащенный нѣсколько пульсъ свидѣтельствовалъ о разрѣженномъ воздухѣ. Гребень Талдыка увѣнчанъ столбомъ съ чугунной доской, на которой написано: кто и когда трудился надъ устройствомъ дороги. Тутъ же указана высота перевала 11,800 футовъ и разстояніе его отъ Гульчи 88 верстъ. Видъ съ перевала довольно посредственный; къ югу все закрыто горами, и, только оглянувшись назадъ на пройденный путь, видишь ущелье Гульчи, лѣсистые склоны и рядъ цѣпей, убѣгающихъ вдалѣ. За Талдыкомъ мѣстность рѣзко мѣняется. Ни деревца, ни пустыни, ничего, кромѣ сѣрыхъ, безжизненныхъ скалъ, нельзя здѣсь увидѣть. Начинается заоблачный міръ вѣкового безмолвія. Мы повернули на переваль Хатынь-артъ и по нему спустились въ Сары-ташъ, первое урочище Алайской долины. Какъ-то вдругъ прекратились предгорья, и предъ нами открылась долина, необъятно большая послѣ тѣсныхъ ущелій, и на другой сторонѣ ея Заалайскій хребетъ. Осыпанный снѣгами вплоть до подошвы, этотъ могучій хребетъ стоитъ на границѣ Памира, какъ ледяная стѣна въ 20,000 футовъ высокою. Трудно указать картину въ природѣ болѣе грандіозную и величественную, чѣмъ панорама Заалайскаго хребта, развернувшася на сотню верстъ безъ предгорій по краю долины, зеленой и громадной, какъ степь. Неудивительно, что фантазія киргизовъ населяла страну за хребтомъ всякими страхами и было мало охотниковъ по ней путешествовать. Къ сожалѣнію, намъ недолго пришлось любоваться этимъ незабываемымъ видомъ, оттуда-то нашли облака, повалили хлопьями снѣгъ, и загрохоталъ сильный громъ. Какъ будто части скалъ срывались съ вершинъ и съ грохотомъ низвергались въ ущелья, такъ раздавались громовые удары, отражаясь въ утесахъ.

Мы поспѣшили укрыться въ первомъ встрѣчномъ аулѣ. Въ немъ мы устроили дневку и отлично провели это время у алайскихъ киргизовъ. Несмотря на средину іюня, въ долинѣ было очень свѣжо, и къ вечеру этого дня термометръ показывалъ нуль. Тѣмъ не менѣе киргизскія дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ играли на дворѣ, удивляя чуднымъ здоровьемъ насъ, одѣтыхъ по зимнему.

Веселой гурьбой они убѣгали вечеромъ собирать разбредшійся скотъ и вмѣстѣ съ нимъ съ шумомъ и гамомъ возвращались назадъ, часами оставаясь на холодѣ въ халатикахъ, одѣтыхъ на голое тѣло. Последняя ночь ознаменовалась небольшимъ происшествіемъ. Въ аулѣ всѣ уже спали, какъ вдругъ насъ разбудилъ оглушительный шумъ. Въ дикомъ страхѣ около нашей юрты метались бараны, кричали киргизы и неистово колотили въ чугуны чѣмъ попало. Оказалось, что суматоху вызвали волки, слишкомъ близко подошедшіе къ стаду. Пока я одѣлся и вышелъ изъ юрты, сѣрые гости ушли восвояси, и только собаки, далеко убѣжавъ за волками, были и пронзительно лаiali. Ночь была темная, дальше юртъ ни зги не было видно. Изъ долины тянулъ холодный предразсвѣтный вѣтеръ и наносилъ оттуда снѣжинки. Къ утру пошелъ снѣгъ, и въ долину закружилась метель, быстро покрывая тонкой пеленой всю окрестность. Впрочемъ, снѣгъ скоро растаялъ, и мы тронулись въ путь. Было вѣтрено, но облака поднялись высоко и открыли, словно для насъ, заалайскіе пики. Въ воздухѣ разливалась весенняя свѣжесть, дышалось легко, хорошо, и мы незамѣтно проѣзжали версту за верстой.

Меньше чѣмъ черезъ часъ мы пріѣхали къ рѣкѣ Кизиль-су, протекающей по всей долину съ востока на западъ. Она представляетъ главный стокъ для рѣчушекъ прилежащихъ хребтовъ и отличается мутной красноватой водой, отъ массы растворенныхъ въ ней глины. За переправой, когда затихъ шумъ рѣки, насъ поглотилъ зеленый просторъ и охватила могильная, не нарушаемая ничѣмъ тишина. Ни киргизовъ, ни одного аула не встрѣчалось намъ на пути—всѣ куда-то исчезли, а между тѣмъ какая масса ихъ пришла на Алай. Уже недалеко оставалось до Боръ-дабы, какъ погода испортилась и пошелъ мокрый снѣгъ. Такъ со снѣгомъ и пріѣхали мы въ рабатъ, сложенный изъ дикаго камня безъ половъ и какихъ-либо слѣдовъ обстановки. Въ помѣщеніяхъ было сыро, стекла разбиты, двери разломаны, а въ pendant ко всему этому на дворѣ рабата, у самыхъ дверей валялся дохлый ишакъ.

Пораздумавъ немного, мы рѣшили поставить палатку. Послѣ юрты, просторной и теплой, въ солдатской палаткѣ показалось намъ холодно, и, какъ ни закрывали полотнища, тѣмъ не менѣе вѣтеръ врывался въ нее и переворачивалъ все содержимое. Положеніе стало значительно горше, когда обнаружилось, что нѣтъ у насъ дровъ и не на чемъ вскипятить даже чай. Надо было бы занять дватри полѣна арчи у киргизовъ, но при отѣздѣ какъ-то всѣ объ этомъ забыли, упустивъ изъ вида, что дровъ въ Боръ-дабѣ, да и дальше, достать невозможно. Такъ оно теперь и случилось. Нечего дѣлать, пришлось всѣмъ собирать старый пометь, пока его не занесло еще снѣгомъ. Кое-какъ съ немалымъ трудомъ мы набрали немного князя, и Мирзамать съ неподражаемымъ искусствомъ разжегъ его и очень скоро вскипятить на немъ воду. Погода не исправлялась,

но, несмотря на это, послѣ горячаго чая наше самочувствіе несравненно улучшилось. Спутники мои занялись около лошадей, а я забрался въ дальній уголъ палатки, окружилъ себя мѣшками и сѣдлами и приступилъ къ наблюденіямъ...

Къ ночи вѣтеръ утихъ, и небо открылось чистое, звѣздное. вмѣстѣ съ тѣмъ стало такъ холодно, что замерзла вода. Отъ холода мы поднялись еще затемно, поймали лошадей, которыя разбѣглись по урочищу, и поѣхали на переваль Кизиль-артъ. Дорога идетъ вначалѣ широкимъ ущельемъ по каменистому ложу ручья съ незначительнымъ, постепеннымъ подъемомъ. Склоны ущелья изъ красныхъ песчаниковъ рѣзко отдѣляются отъ сѣраго дна и покрыты внизу плотной щеткой колючки ¹⁾. Съ середины пути ущелье сужается и подъемъ возрастаетъ. Лошади идутъ съ замѣтнымъ трудомъ, порывисто дышать, пристають и требуютъ частаго отдыха. Ѣдемъ медленнымъ шагомъ то однимъ, то другимъ склономъ ущелья. Дышится плохо, голова какъ свинцовая, и поминутныя встрѣчи скелетовъ павшихъ животныхъ наводятъ уныніе. Словно шла изъ долины грозная смерть и усыпала путь на Памиры трофеями. Наконецъ мы проѣзжаемъ послѣдніе зигзаги и выходимъ на гребень перевала ²⁾—узкую площадку съ небольшою пирамидой камней, украшенной рогами архара и разноцвѣтными тряпками. По бокамъ сѣдловины поднимались снѣжныя горы, на ней же самой спѣгу не было и даже мы нашли нѣсколько цвѣтущихъ растений. Пока отдыхали лошади, я усѣлся на камень и принялся смотрѣть съ перевала на югъ, гдѣ разстилался Памиръ. Смотрѣлъ и спрашивалъ невольно себя: да гдѣ же тутъ плоскогорье? Еще съ дѣтства я представлялъ себѣ Памиръ чѣмъ-то вродѣ стола, чрезвычайно большого, высокаго, но обязательно ровнаго. Между тѣмъ вотъ что было предъ моими глазами. Вплоть до горизонта—скалистыя горы сѣро-голубыя, словно оглаженные и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Всюду камень и камень. Хребты переплетались между собою, открывая мѣстами долины широкія, сѣрыя и исчезали вдали, сіяя вѣчными льдами. Какъ будто всколыхнулось громадное море, вскипѣло все разомъ и, поднявъ гигантскія волны, остыло. Этотъ молчаливый каменный міръ, подѣ которымъ неслись облака и свистѣлъ рѣзкій вѣтеръ, наводилъ непріятное, жуткое чувство. Казалось, что стоишь у гигантскаго склена и вѣть оттуда могилой и вѣчностью...

Мы спустились съ перевала къ рѣкѣ Марканъ-су и вступили на памирскую почву. Кругомъ разстилалась щебневая долина съ множествомъ гальки зеленаго цвѣта и окруженная безотрадными скалами. Не поѣхали мы и версты, какъ закружилась метель и пѣляя тучи песку вмѣстѣ со снѣгомъ полетѣли навстрѣчу. Все по-

¹⁾ *Saragana jubata*.

²⁾ Высота надъ ур моря 13740 фут.

Група кыргызовъ въ долині Алая.

темнѣло, поднялись смерчи и бѣшено зантрали въ долинѣ, разсѣвая мерзлымъ пескомъ руки и лица до крови. Близъ озера Какыр-куль метель успокоилась, облака разбѣжались и засверкало горячее южное солнце. Стало тепло. Нѣсколько разъ такъ мѣнялась погода, и къ концу перваго дня мы вполне испытали все непріятныя стороны памирскаго климата и видѣли работу здѣшнихъ вѣтровъ. На перевалѣ Уй-булакъ намъ попадались кучи громаднхъ камней, словно обдѣланныхъ рукой человѣка. Одни имѣли видъ каменныхъ чашъ, другіе были какъ будто обточены, а часть изъ нихъ были даже просверлены. И какъ ни покажется страннымъ, но все это дѣлаетъ вѣтеръ. Онъ поднимаетъ песокъ, хлещетъ по камню, полируетъ его и постепенно сообщаетъ ему разныя формы. Съ перевала мы увидѣли Каракуль, крупнѣйшее памирское озеро, снѣвшее узкой полоской вдали на сѣрой, какъ будто бы лунной поверхности. Оно состоитъ изъ двухъ неровныхъ бассейновъ, соединенныхъ проливомъ, соленой, немного горьковатой воды. Стока у озера нѣтъ, но въ него впадаетъ цѣлый рядъ мелкихъ рѣчушекъ, изъ которыхъ лишь двѣ—Кара-джилга и Музь-коль не пересыхаютъ лѣтомъ, пополняя вмѣстѣ съ ключами убыль воды отъ испаренія. Несмотря на красивую рамку изъ могучихъ снѣговыхъ хребтовъ, окрестности озера чрезвычайно унылы, и только рѣдкая зелень осокъ и элимуса по низкому берегу, плескъ озера и чайки на немъ оживляютъ немного пустыню. Встрѣчались, впрочемъ, и бабочки, но странно какъ-то было видѣть ихъ здѣсь порхающими среди снѣговъ на высотѣ въ 12.500 футовъ... Каракульскій рабатъ устроенъ недалеко отъ озера и много лучше, чѣмъ въ Боръ-дабѣ. Здѣсь было все въ полной исправности и находился запасъ терескена, прекраснаго топлива, имѣющаго большое значеніе для памирскихъ киргизовъ и путешественниковъ. Онъ принадлежитъ къ маревымъ растеніямъ, и киргизское названіе его значить въ переводѣ «шиворотъ на выворотъ», такъ какъ надземная часть чрезвычайно вѣтвиста, а корень имѣетъ видъ плоскихъ вѣтвей. Любимой почвой терескена является галька, изъ которой онъ легко извлекается руками, благодаря плотной надземной части, имѣющей видъ невысокой, приплюснутой кочки. Даже въ сыромъ видѣ, только что вытасненный изъ земли, терескенъ горитъ превосходно и быстро даетъ сильный огонь... На другой день мы поѣхали въ ущелье Музь-коль. Погода была какъ нельзя требовать лучше. Темное бархатистое небо гигантскимъ куполомъ опрокинулось надъ безмолвной пустыней, вѣковыми снѣгами и синимъ зеркаломъ озера. Дорога становилась съ каждымъ шагомъ угрюмѣе и обнимала больше и больше ужаснымъ безмолвіемъ. Проѣхавши озеро, мы очутились среди низкихъ горныхъ цѣпей, грядъ и группъ, скалистыхъ и оглаженныхъ, напоминающихъ извѣденныя временемъ развалины. Повсюду разсѣяны кости, черепа и рога архаровъ, какъ будто раз-

мыто громадное кладбище. Архаръ, этотъ прекрасный баранъ, описанный еще Марко Поло, является самымъ интереснымъ животнымъ Памира. Онъ пепельно-сѣраго цвѣта, имѣетъ сильное стройное тѣло и необыкновенно большіе, могучіе рога. Глядя на нихъ, вѣришь охотникамъ, что въ минуту опасности, попавши въ тупикъ, архаръ бросается съ кручи внизъ головою и, подъявшись затѣмъ, спасается бѣгствомъ. До сихъ поръ можно встрѣтить на Памирѣ стада этихъ животныхъ не въ одну сотню головъ, хотя ихъ довѣрчивость, волки и часто безкормица губятъ положительно массами...

Пройдя по узкому, сухому ущелью, наполненному обломками скалъ и щебнемъ, мы вышли на долину рѣки Музъ-коль. Какъ изъ потреба пахнуло на насъ холодомъ отъ вѣчнаго снѣга, что блестялъ впередъ. Онъ протянулся длиннымъ языкомъ по долинѣ и занималъ почти всю ширину ея толстымъ пластомъ, изъ котораго сочились струйки воды. На топкомъ берегу, испещренномъ ключами я нашелъ немного цвѣтовъ, но какихъ-то странныхъ для непривычнаго глаза. Цвѣтоножекъ у нихъ почти не было, и казалось, что вѣшникъ сидитъ на самой землѣ, робко взирая на свѣтъ изъ-подъ камня. Почти у самаго снѣга, у темныхъ коричневыхъ скалъ лѣваго берега пріютился рабать. Внѣшній видъ его былъ такой же какъ предыдущихъ, а также громадный запасъ терескена былъ сложенъ на дворѣ, къ нашей, вполне осповательной радости. Къ тому же въ одной изъ камеръ рабата оказался котелъ, вмазанный въ печку, и у насъ созрѣла отличная мысль сварить себѣ пловъ, благо рисъ купленъ былъ еще въ Ошѣ. Поваромъ вызвался быть Мирзамать и, засучивъ рукава невообразимо грязнаго халата, быстро приступилъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Сазоновъ устроилъ подъ котломъ цѣлый пожаръ, и въ казематѣ стало тепло и привѣтливо. Все шло хорошо: огонь ярко пылалъ, въ котлѣ вкусно трещало, лица были довольныя. Но вотъ проходитъ часъ и другой, а рисъ все еще твердый. Ждемъ еще полчаса—то же самое. Наконецъ, убѣждаемся, что плова намъ не поѣсть, рисъ не разварится, сколько его ни вари. Мы забыли, что находимся на большой высотѣ и что вода кипитъ здѣсь не при ста, а при восьмидесяти шести только градусахъ. Нечего дѣлать, пришлось закусить кое-чѣмъ и на томъ успокоиться. На дворѣ была уже ночь и надо было идти на покой, такъ какъ предстояло рано вставать. Небо было усеяно роскошными звѣздами. Словно дивныя алмазы горѣли онѣ на бархатномъ фонѣ, отражаясь разноцвѣтными искрами на поверхности снѣга. Тишина была удивительная, въ полномъ смыслѣ могильная. Темными, неясными массами, обступившими плотнымъ кольцомъ нашъ рабать, выдвигались скалистыя горы и своимъ молчаніемъ, молчаніемъ заоблачнаго міра навѣвали мысли о смерти и вѣчности. Спали мы всѣ отвратительно. Голова разболѣлась ужасно, и состояніе было такое, что трудно сказать спалъ я тогда, или нѣтъ. Сонъ смѣшался съ дѣйствительностью.

То просыпаюсь отъ музыки, то слышу ласковый голосъ отца, то вдругъ поражаетъ звонъ колокольчика; такой знакомый, настойчивый, онъ растетъ, приближается; я, задыхаясь, бѣгу, вотъ я за воротами, но тройка мимо летитъ, не видятъ меня родныя мнѣ лица, хочу крикнуть имъ, что я здѣсь, но горы давятъ меня, мнѣ тяжело дышать, а между тѣмъ Музь-коль разступился и открылась громад-ная даль моей родины—солнце, лѣсъ безъ конца, и тамъ, замирая, поетъ колокольчикъ...

— Вставайте, ваше благородіе, вставайте!—сквозь дремоту слышу голосъ Сазонова.

Поднимаю какъ свинцовую голову и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрю на него. Все лицо у него потемнѣло и страшно осунулось.

— Что, братъ, съ тобою, смотри, черный какой?

— У сердца тошно, насилкомъ ночь переменялся, вашъбродіе, Мирзамать тоже жалится,—ѣхать надо скорѣй.

Я всталъ и, вымывшись ледяной водой, началъ собираться. Скоро мы оставили Музь-кольскій рабатъ и на морозномъ воздухѣ поне-многу отошли отъ тяжелыхъ ощущеній ночлега.

Странно, что потомъ на много большихъ высотахъ мы не переживали столь непріятныхъ минутъ и на обратномъ пути въ этомъ же самомъ рабатѣ спали какъ дома. Путь шелъ нѣсколько въ гору, прямо на снѣжные пики Музь-кола, замыкающаго съ юга бесплодную сухую долину. Перейдя ее наискось, мы начали подниматься на громадный переваль Акъ-байталъ въ 15,070 футовъ. Подъемъ очень удобный, довольно пологій, и лошади шли безъ труда. Коегдѣ близъ ключей зеленѣла трава и, недоѣзжая вершины, мы нашли въ цвѣту коридались. Небо было цвѣта синяго бархата, такое глубокое, красивое, темное, съ яркими штрихами перистыхъ облаковъ, раскинутыхъ вѣеромъ. Въ полдень мы достигли вершины съ небольшою пирамидой камней, на которой такъ же, какъ на Кизиль-артѣ, находились рога архаровъ и разныя тряпки. Барометръ упалъ на 426 миллиметровъ. Спускъ съ перевала, очень крутой, но короткій, выходитъ въ долину рѣки Акъ-байталъ, такую же мрачную, щебневую, бесплодную, какъ и всѣ вообще на Памирѣ. Единственнымъ развлеченіемъ на однообразномъ пути явилось для насъ стадо архаровъ, которыхъ мы увидѣли близко, какъ-то врасплохъ, и дикіе голуби, взлетавшіе порою съ утесовъ. На ночь мы остановились въ рабатѣ, въ которомъ жилъ сторожъ, киргизъ, и съ удовольствіемъ отдохнули въ его семьѣ отъ утомительныхъ переходовъ. На другой день путь продолжался тѣмъ же самымъ ущельемъ. Отсюда оно замѣтно расширяется и близъ поворота на озеро Рангъ-куль пріобрѣтаетъ характеръ долины. Передъ памирскимъ постомъ оно вливается въ долину рѣки Мургаба, берега которой пріятно зеленѣли вдали среди источенныхъ скалистыхъ хребтовъ.

Къ вечеру на девятыя сутки нашего странствія мы благополучно достигли поста.

Въ пяти верстахъ отъ памирскаго поста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изъ горъ рѣчка Пшартъ, ущелье рѣки Акъ-байталъ прекращается и широкимъ устьемъ вливается въ долину Мургаба. Въ первый моментъ послѣ дороги, замкнутой въ глубокой оврагъ, отъ Мургабской долины возникаетъ впечатлѣніе широты, большого простора, она радуется глазъ, но вслѣдъ за нимъ впечатлѣніе измѣняется къ худшему. Это не привольный лугъ съ цвѣтами и бабочками, не альпійская степь, какъ долина Алай, а дикая, безотрад-

Переправа киргизовъ черезъ р. Сурхъ-Объ.

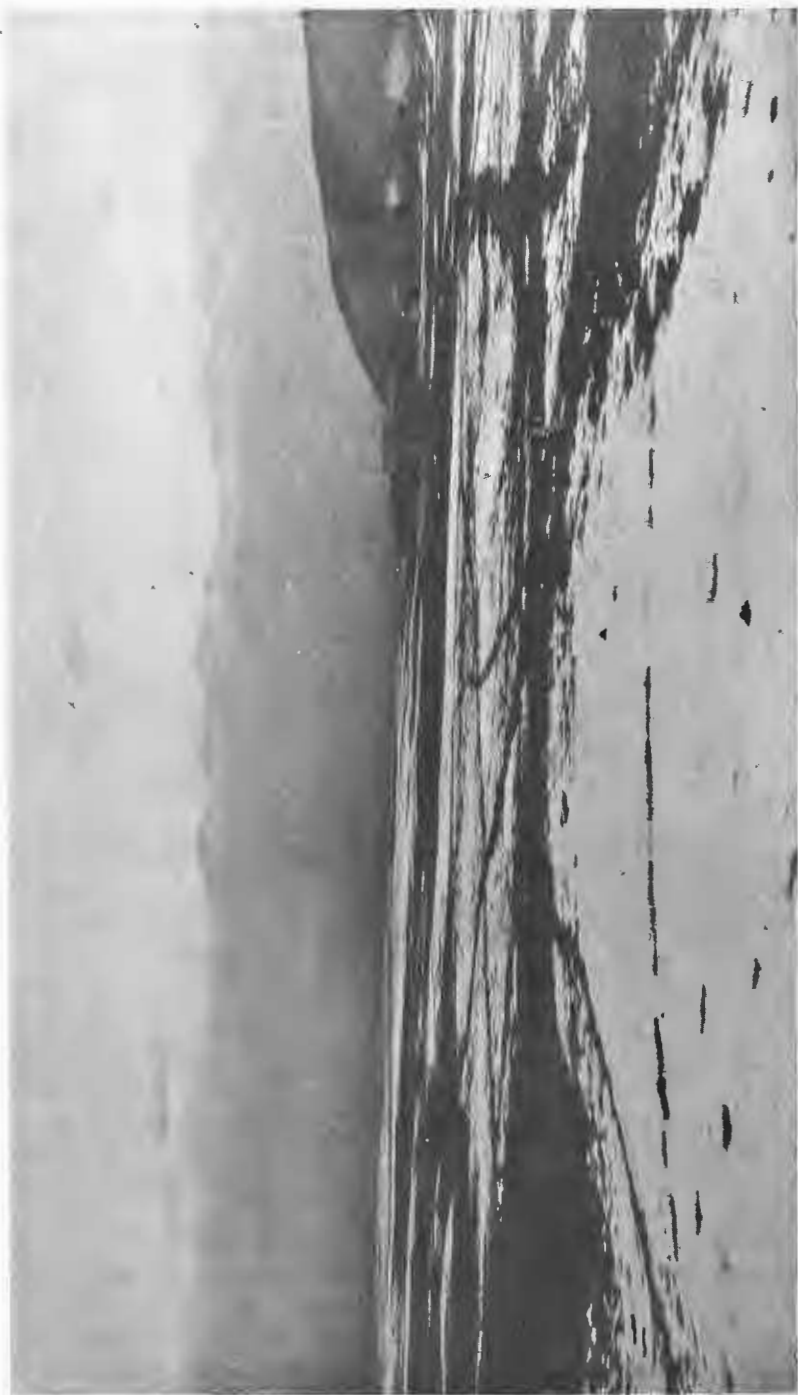
ная пустыня, протянувшаяся съ востока на западъ мертвымъ галечнымъ полемъ, по краямъ котораго высятся гребни темныхъ, полуразрушенныхъ скалистыхъ хребтовъ. За ними видны другіе, повыше, тонкіе, изрытые пескомъ и вѣтромъ хребты, но кое-гдѣ покрытые снѣгомъ, веселый блескъ котораго составляетъ рѣзкій контрастъ съ унылой природой долины. Всюду камень, острый щебень, песокъ, старыя кости—ничего живого, культурнаго. Ни зеленыхъ полей, ни жилищъ, ни густой сочной растительности, къ которой такъ привыкъ глазъ въ Ферганѣ,—ничего. Только камень и вѣтеръ. Одинокій и вольный, гуляетъ онъ по нагорью, свиститъ по вершинамъ, рветъ облака и буйнымъ порывомъ летитъ по

ущельямъ. Въ дикомъ весельѣ онъ играетъ пескомъ, крутитъ смерчи и зловѣще гудитъ ураганомъ. И плохо тогда случайному путнику. Закружить его ураганъ, заледенить, исхлещеть до крови пескомъ, залѣпить глаза и, натѣшившись вдоволь, заведетъ куда-либо въ трущобу.

Памирскій постъ¹⁾ долгое время не виденъ и, совсѣмъ уже близко подъѣхавъ къ нему, я наконецъ могъ различить очертанія вала, надъ которымъ чуть возвышались земляныя крыши построекъ; глиняныя стѣны ихъ какъ пельзя лучше подходили къ сѣрому тону ландшафта, на которомъ, дѣйствительно, только вблизи можно рассмотреть сооруженія поста и разобраться въ деталяхъ. Выше казармъ, на неуклюжихъ столбахъ находилась будка метеорологической станціи, напоминавшая немного скворечницу, и еще торчалъ длинный изогнутый шестъ, на которомъ въ торжественныхъ случаяхъ, а часто и помимо ихъ водружается флагъ. Нѣсколько поодаль отъ стѣнъ укрѣпленія съ восточной его стороны видны островерхіе мазары киргизскаго кладбища, давно позабытаго, а правѣ поста, ближе къ Мургабу, который блестѣлъ за болотистымъ лугомъ, находился «базарчикъ» съ невысокимъ навѣсомъ и глинобитой саклешкой. Подъ навѣсомъ кормились какіе-то лошади и двигались люди. Къ этому-то «базарчику», въ своемъ родѣ торговому центру Памира, и стремился нашъ почтенный попутчикъ «ака»—Додабай. Передъ тѣмъ, какъ свернуть намъ съ общей дороги и подъѣхать къ воротамъ, онъ проворно слѣзъ съ буланой лошадки и началъ насъ благодарить и прощаться. «Хаеръ, таксырь,—алларазмусъ»²⁾, говорилъ Додабай, низко кланяясь и прижимая къ сердцу правую руку. Пожелавъ ему успѣшной торговли и барышей, мы проѣхали ворота и очутились на дворѣ укрѣпленія съ небольшими казармами. Изъ оконъ показались любопытныя лица, захлопали двери, и со всѣхъ щелей и угловъ посыпались люди. Насъ окружила толпа солдатъ и казаковъ. Послышалась живая русская рѣчь—пахнуло чѣмъ-то милымъ, роднымъ. Сазонова обступили плотнымъ кольцомъ, и тотъ едва поспѣвалъ давать объясненія, кто мы, куда ѣдемъ, зачѣмъ. Въ самое короткое время brave памирцы разобрали насъ по частямъ. Мирзамата съ лошадьми отвели на «базарчикъ», Сазонова потащили въ свою казарму, а меня къ офицерскому флигелю, такую же приземистую казарму, но съ отдѣльными помѣщеніями самаго незначительнаго кубическаго содержанія. Казакъ сложилъ мои вещи въ одномъ изъ помѣщеній, пустовавшемъ по случаю отъѣзда хозяина. Комнатка была съ низкимъ потолкомъ, голыми стѣнами и одинокимъ оконцемъ. Въ углу стояла кровать, полочка съ

¹⁾ Все сказанное относится къ старому памирскому посту, въ настоящее время перенесенному въ ур. Таджанъ и перестроенному. Путевые очерки относятся къ 1903 году.

²⁾ Прощай, господинъ, спасибо.

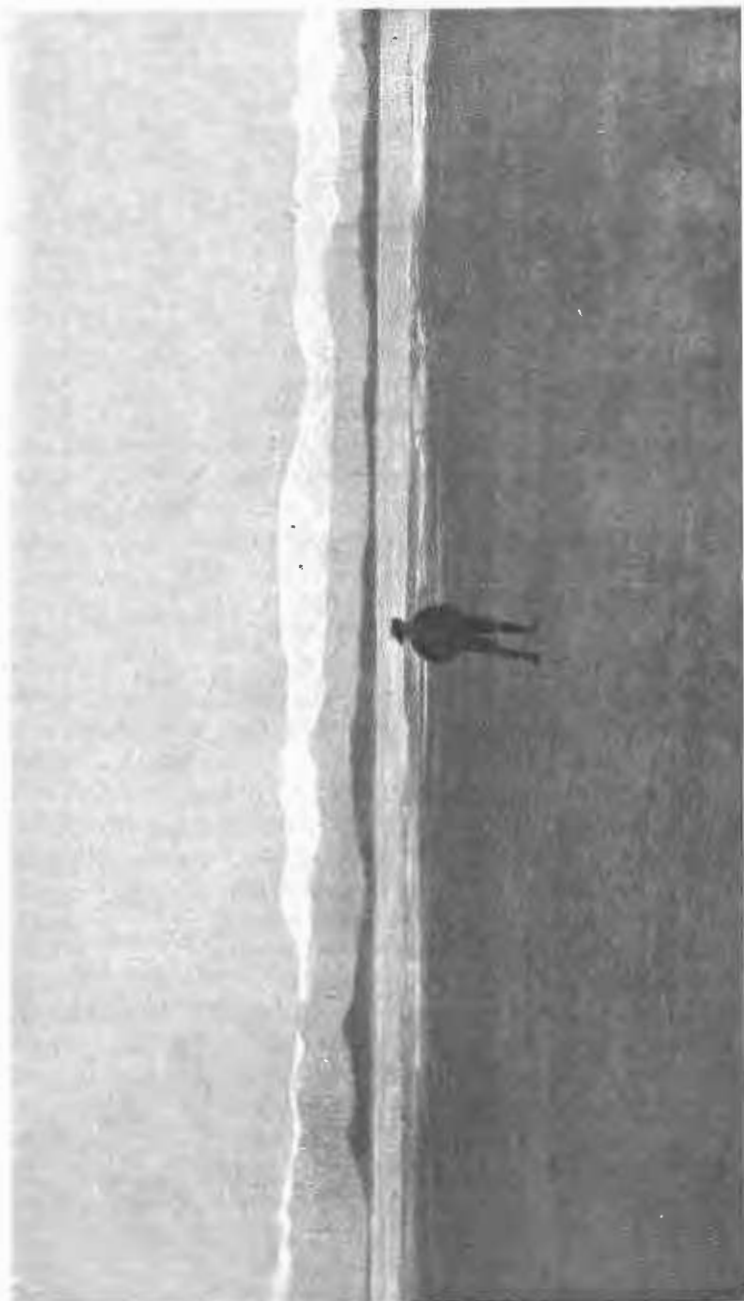

Видъ Алайскаго хребта отъ Заалайскаго изъ ущорща Кара-су.

книгами и крошечный столикъ. Было бѣдно, даже убого, но послѣ пустынь, почлеговъ въ рабатахъ на голой землѣ помѣщеніе казалось прекраснымъ, и возможность спать на кровати, раздѣвшись, рисовалась въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Пока я разглядывала комнату, пришелъ начальникъ поста. Когда мы пріѣхали, на посту его не было, и за нимъ бѣгалъ казакъ.—«Европейцы! Какими судьбами? На долго ли?» радостно заговорилъ поручикъ, осыпая вопросами.—«А я сейчасъ здѣсь одинъ, вторую недѣлю дежурю. Начальникъ постовъ въ Орошорѣ, уѣхалъ туда съ нашимъ докторомъ М. Вы его знаете? На чуму сюда присланъ. Ну, и тоска одному-то! Пошелъ сегодня рыбу ловить, на Мургабѣ-то ее, знаете, тьма,—солдатики ловятъ рубашками. Османовъ¹⁾ тутъ что, усачей! Ну, да про это потомъ, пойдемъ-ка въ нашу столовую». Мы пошли. Столовая оказалась такой же маленькой комнаткой, какъ предыдущая, съ тою лишь разницей, что по срединѣ ея, какъ и подобаетъ столовой, находился обѣденный столъ и нѣсколько стульевъ. Въ небольшія окна, до половины закрытыя валомъ, проникалъ слабый свѣтъ, и въ столовой царилъ полумракъ, сообщавшій ей видъ подвальной квартиры. На голой стѣнѣ висѣлъ отрывной календарь и старинный барометръ въ футлярѣ красного дерева, похожій на тѣ, что встрѣчаются въ запустѣвшихъ барскихъ усадьбахъ, украшая кабинетъ или гостиную. Мимоходомъ я взглянулъ на него: ртутный столбъ былъ въ 487 миллиметровъ, иными словамъ, мы находились подъ давленіемъ только $\frac{2}{3}$ атмосферы. «Маловато,—замѣтилъ я:—ну, какъ же вамъ чувствуется при такихъ-то условіяхъ?»—«Да какъ вамъ сказать, плохо, конечно, но привыкаемъ. Вотъ на охотѣ иной разъ увлечешься, забудешь, что на Памирѣ, пробьжишь нѣсколько сажень, ну, и, конечно, хлопнешься на землю,—потомъ еле-еле отдышишься. Вообще сторонка неважная: ничто не плодится, ни черта не растетъ! Тишь, безлюдье, скучища, мелкія дразги... А зимой! Какъ закрутитъ буранъ, да ударитъ морозъ, такъ недѣлями нельзя выйти на улицу. Въ комнатѣ холодно, разговоры не клеятся, да и опостылѣютъ такъ, что лучше молчать, забиться въ свою конуру и пребывать въ одиночествѣ. Зла по крайности меньше... Теперь, лѣтомъ-то лучше,—смотришь, кто-либо пріѣдетъ, то товарищъ съ поста, то путешественникъ, ну, и удержишь его... Да и близкая смѣна съ каждымъ днемъ больше чувствуется. Все-таки надежда на лучшіе дни».

Поздно вечеромъ пріѣхали изъ Орошора молодой докторъ М., караулившій въ Памирѣ чуму, и есаулъ О., старый симпатичный памирецъ, занимавшій должность начальника восточныхъ постовъ. Четыре года, длинныхъ, изнурительныхъ, О. прослужилъ на Памирѣ, и, надо сказать, чего только онъ не видѣлъ и не пере-

¹⁾ Изъ рода *Oreinus*

Озеро Кара-куль на Цамиръ.

жилъ здѣсь на суровыхъ высотахъ. Жутко бывало, когда вечеркомъ онъ начнетъ спокойно, не торопясь, съ маленькой паузой говорить про свои приключенія и разные случаи. Вотъ, помню, рассказы-валъ онъ, какъ ѣхалъ съ поручикомъ П., только что назначеннымъ въ памирскій отрядъ. П. не перенесъ высоты, занемогъ и умираетъ на его глазахъ въ Боръ-дабѣ. И страшно становится отъ простыхъ словъ есаула.

Ярко вспоминается этотъ унылый, мрачный рабать. Несокрушимыя стѣны, низкій каменный сводъ, земляные полы, запустѣнье, и чувствуешь ужасъ послѣднихъ минутъ больного поручика. Выюга... Помощи нѣтъ, надѣяться не на что... Близкіе такъ далеко... Или вотъ, ѣдетъ гдѣ-то въ горахъ есаулъ темною ночью, по глухому ущелью, и, кажется, даже карнизомъ. Ёхали, говорить, путались, лѣбились гуськомъ, таджики кое-гдѣ помогали.—«И все бы такъ ничего, да никакъ лошадь споткнулась, или испугалась чего,—ну, и полетѣлъ я туда, гдѣ рѣка шумѣла, въ темную пропасть»... Только слѣпой, какой-то рѣдкостный случай спасъ жизнь есаулу. Онъ изрядно расшибся и сломалъ себѣ ногу, но все-таки дѣло только этимъ и кончилось.—«Сломался, знаете, а помочь-то и некому; вытащили меня кое-какъ, положили это, а лубки-то самому же пришлось мастерить, ничего не подѣлаешь...—пикто не умѣетъ». Съ пріѣздомъ есаула и доктора въ столовой образовалось цѣлое общество, и какъ я ни усталъ за дорогу, какъ ни манила кровать, но не хотѣлось уходить отъ интересныхъ рассказовъ моихъ собесѣдниковъ. Среди нихъ чувствовалось, какъ въ гостиной старыхъ милыхъ знакомыхъ, гдѣ все дышитъ уютомъ и лаской, и мои скитанія по горнымъ пустынямъ, и то, что я на памирскомъ посту, казалось какимъ-то удивительнымъ сномъ, страннымъ событіемъ, вторгнувшимся въ обычную жизнь и нарушившимъ ея равновѣсіе. Какъ-будто убогая комнатка, кучка добрыхъ, радушныхъ людей, самоварчикъ, барометръ и отрывной календарь, весь этотъ уголокъ русской земли былъ перенесенъ могучимъ волшебникомъ и водруженъ на «крышѣ міра» наперекоръ здравому смыслу.

На утро выдался отличный денекъ: тихій, безвѣтренный, съ жгучимъ, ослѣпительнымъ солнцемъ. Было такъ тепло, что казалось вполне возможнымъ итти въ одномъ кителѣ, но коварный климатъ Памира заставляетъ всегда имѣть подъ рукой теплое платье. Пока нѣтъ облаковъ и безвѣтренно, на Памирѣ чувствуешь югъ, горячіе лучи солнца такъ и пекутъ, готовъ все сбросить съ себя, но достаточно подуть только вѣтру, налетѣтъ, Богъ вѣсть откуда, густымъ облакамъ—и солнце закроется и тогда не только что въ кителѣ, но впору быть въ полубубкѣ. Послѣ зноя охватить полярная стужа, и начнется метель. Въ одинъ и тотъ же моментъ наблюденія на памирскомъ посту днемъ на солнцѣ—жара, а гдѣ-либо въ тѣни можно видѣть замерзшую воду. И такія рѣзкія перемѣны—почти круг-

лый годъ. Нѣсколько лучше бываетъ по осени, но и то относительно...

Вмѣстѣ съ поручикомъ К. мы пошли побродить у поста и познакомиться съ мѣстностью. Мы сходили на кладбище, гдѣ возвышались любопытные мазары на могилахъ киргизскихъ угодниковъ, затѣмъ спустились къ рѣкѣ и тамъ, прыгая съ кочки на кочку между ключей и прудковъ, усердно занялись сборомъ растений. Сверхъ ожиданія здѣсь на лугу оказалось много прехорошенькихъ видовъ. Цѣлыми кустиками они росли у ключей и отражали въ зеркальной водѣ свои миловидныя чашечки.

Особенно много было тутъ первоцвѣтовъ, но встрѣчалась нѣсколько разъ орхидея съ кистью пурпурныхъ цвѣтовъ, сочныхъ и яркихъ, и еще какіе-то цвѣты съ желтыми мелкими лепестками. Впереди насъ гуляли казачьи лошади и, пофыркивая, щипали траву. Вмѣстѣ съ ними паслись чьи-то верблюды, огромные и нескладные, съ клочковатой, невылинявшей, какъ слѣдуетъ, шерстью. Отъ поры до времени они поднимали свои библейскія головы и, забавно растопыривъ переднія ноги, не переставая жевать, пристально смотрѣли за нашимъ движеніемъ... Дальше къ Шаджану, гдѣ Мургабъ образуетъ излучину, этотъ растительный оазисъ кончается, горы нависаютъ угрюмыми скалами и замыкаютъ долину. Въ лучахъ южнаго солнца она свѣтилась всевозможными красками и неуловимо-преlestнымъ переходомъ оттѣнковъ, скользившихъ по лугу, дымчатой дали, крутымъ скалистымъ хребтамъ, напоминала переливы шелковой ткани. Свѣжая, сочная зелень и эти изумительно нѣжные крошки-цвѣты, безцельно опускавшіе листики при первомъ прикосновеніи теплой руки, куполъ темне-синяго неба, изрѣзанный по горизонту вершинами, прозрачная лента тихой рѣки, задумчиво текущей у коричневыхъ скалъ, все соединилось въ причудливыхъ формахъ, обвѣянныхъ могильнымъ покоемъ и строгимъ величіемъ... По такимъ-то оазисамъ съ болѣе или менѣе скуднымъ запасомъ травы по долинамъ Акъ-су, Аличура, Рангъ-куля и ютится рѣдкое населеніе Памира. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семей киргизовъ, народа тюркскаго корня, откочевавшихъ сюда изъ Сары-кола и Алайской долины подъ вліяніемъ политическихъ и иныхъ обстоятельствъ. Пользуясь исключительнымъ положеніемъ Памира, его отдаленностью, труднодоступностью, бесплодностью высокихъ долинъ, киргизы считали себя за предѣлами досягаемости и не признавали фактически власти Коканскаго ханства, Китая, Афганистана, однимъ словомъ, всѣхъ своихъ сосѣдей, предъявлявшихъ права на нихъ надежное убѣжище. Отъ поры до времени имъ приходилось, впрочемъ, смиряться и признавать власть одного изъ сосѣдей, но чаще они независимыми бороздили пустыни нагорья, пасли небольшія стада и предпринимали набѣги на мирныхъ таджиковъ Вахана. Съ покореніемъ Коканскаго ханства русскіе скоро достигли Па-

мира и, послѣ незначительныхъ столкновений съ афганцами, утвердили на немъ свою власть постройкой на Мургабѣ поста въ 1893. вмѣстѣ съ этимъ населеніе было объединено въ одну Памирскую волость во главѣ съ волостнымъ управителемъ, и независимость киргизовъ на этомъ закончилась. Незначительное скотоводство составляетъ теперь главное занятіе и промыселъ населенія, почерпающаго въ немъ всѣ средства для жизни и упорной борьбы за скудное существованіе. Эта непрерывная борьба и суровая природа Памира наложили замѣтный отпечатокъ на вѣншній обликъ киргиза. Сгорбленный, съ апатичнымъ лицомъ, съ неразвитой, грубой на немъ растительностью, со слезящимися глазами, онъ имѣетъ болѣзненный, кретинообразный видъ и вмѣстѣ съ укладомъ своей жизни и убогой кибиткой недалеко ушелъ отъ первобытнаго жителя. Встрѣчаются, правда, среди памирскихъ киргизовъ и сильные, крѣпкіе люди, завиднаго здоровья, охотники за горной пушницей, но такихъ очень мало и они являются здѣсь значительной рѣдкостью.

Такъ день за днемъ незамѣтно проходило время на памирскомъ посту, и наконецъ наступила пора собираться въ дорогу. Надо было подумать о фуражѣ, о припасахъ для собственнаго продовольствія, однимъ словомъ, обезпечить себя и лошадей всѣмъ необходимымъ для недѣльнаго странствованія по горнымъ пустынямъ, отдѣляющимъ долину Мургаба отъ Пянджа и хребта Гиндукуша. Въ мои планы, кромѣ того, входило большое желаніе зайти на озеро Викторіи, лежащее за Аличурскимъ хребтомъ, въ двухъ дняхъ пути въ сторонѣ отъ прямой нашей дороги, и такимъ образомъ продолжительность нормальнаго маршрута увеличивалась еще на нѣсколько сутокъ. Всѣ эти путевыя заботы, не исключая проводника до Аличурской долины, при помощи нашихъ любезныхъ хозяевъ были разрѣшены самымъ удовлетворительнымъ образомъ, но, по причинамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, нашъ отъѣздъ съ поста задержался. Наканунѣ выступленія вдругъ обнаружилось, что одна изъ лошадей набила вьюкомъ себѣ спину и такъ основательно, что не можетъ совершенно идти и должна здѣсь остаться. Виновать, конечно, былъ Мирзамать и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что по пріѣздѣ на постъ ничего не сказалъ, полагая, что мы пробудемъ здѣсь долго и что лошадь за это время поправится, но, съ другой стороны, надо было выпить и дикій сартскій обычай, воспреещающій керекешу разсѣдывать лошадь до возвращенія домой. Какъ бы ни длилось его путешествіе, керекешъ не сниметъ съ лошади «чома», тяжелаго вьючнаго сѣдла, которое словно прирастаетъ къ животному и при малѣйшей оплошности наноситъ ему ужасныя раны на бокахъ и спинѣ. Сколько разъ я ни доказывалъ Мирзамату, что безсердечно обращаться такъ съ лошадьми, и ни требовалъ, чтобы онъ разсѣдывалъ ихъ на ночлегахъ, но все было напрасно—Мирзамать стоялъ на

своемъ, упрямо заявляя, что «яманъ буладе»¹⁾, и ничего больше. Мы отправились цѣлой комиссіей осматривать лошадь. Весь правый бокъ больного животного представлялъ сплошную зловонную рану, изъ которой выставлялись ребра и торчали куски гніющаго мяса. Не оставалось никакого сомнѣнія, что лошадь издохнетъ; мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы она поправилась съ такимъ поврежденіемъ, но зато каково же было мое удивленіе, когда, вернувшись изъ Шугнана снова на постъ, я нашелъ эту лошадь здоровой и даже отѣвшейся. Очевидно, чистота памирскаго воздуха сыграла въ этой метаморфозѣ громадную роль, и рана на боку у лошади не только затянулась, но отъ нея остался одинъ чуть приметный рубецъ...

Итакъ, пока что, лошадь эту пришлось намъ оставить, а Мирзамату поручить найти новую. Кое-какъ съ помощью волостного ему удалось купить у киргизовъ подходящую лошадь, и тѣмъ инцидентъ разрѣшился. Сердечно простившись со всѣми, мы выѣхали изъ укрѣпленія и потянулись на западъ внизъ къ Мургабу въ урочище р. Кара-су. Дальше и дальше уходилъ отъ поста мой караванъ, глубже скрывался въ землю постройки, и скоро сѣрыя крыши сравнялись съ поверхностью; исчезъ изъ глазъ радушный оазисъ, и мы опять надолго погружались въ безмолвное царство. Солнце стояло уже высоко и нестерпимо ярко освѣщало долину, рѣку и прибрежные склоны. Тамъ, гдѣ долина сужается и Мургабъ входитъ въ узкое глухое ущелье, мы переправились черезъ него на другую, горную сторону. Время для переправы еще было хорошее, хотя лошади и шли по водѣ почти по брюхо. Обыкновенно въ серединѣ іюля, когда энергично таютъ ледники и снѣга, Мургабъ разливается, и переправа черезъ него становится дѣломъ не шуточнымъ, а днями почти невозможнымъ. За переправой дорога повела насъ крутымъ косогоромъ и затѣмъ спустилась къ ручью Кара-су, прорывшему глубокое ложе среди лессовыхъ береговъ. На большое пространство по рѣкѣ росъ небольшими кустами ивняка²⁾, обципаннѣй и оборванный киргизскимъ скотомъ. Этотъ уголокъ древесной растительности составляетъ большую рѣдкость для памирскихъ долинъ и возникъ тутъ, какъ видно, подъ надежной защитой крутыхъ береговъ. Киргизы называютъ это урочище «Джаманъ-талъ», т. е. «плохой талъ», и, надо сказать, энергично опустошаютъ его, прогоняя стада и вырубая на топливо. Кромѣ Джаманъ-тала, деревья встрѣчаются еще по рѣкѣ Кударѣ, также Пшарту, и тамъ, между прочимъ, заросли ивняка разнообразятся примѣсью березы, шиповника и нѣкоторыхъ другихъ кустарниковъ. За Джаманъ-таломъ остается только нѣсколько верстъ до почтовой юрты. Она стоитъ на зеленой

¹⁾ Будетъ плохо.

²⁾ Salix охусагра

луговинѣ у рѣки Кара-су и служить пристанищемъ для почтовыхъ джигитовъ. Мы остановились здѣсь на ночлегъ. Стучившійся въ юртѣ киргизъ ужасно захопоталъ, тотчасъ побѣжалъ на ручей за водой и въ самое короткое время вскипятить ее въ приземистомъ пузатомъ «кунганѣ»¹⁾).

Отъ Кара-су въ Аличурскую долину дорога идетъ широкими пустынными ущельями и цѣлыми часами приходится ѣхать утомительно-однообразной мѣстностью по высохшимъ галечнымъ русламъ. На пути намъ встрѣчались тибетскія галки, напоминающія нѣсколько нашихъ, но съ красными клювами и такими же лапками. Тихо, какъ летучія мыши, онѣ перелетали безъ крика съ одного утеса на другой, поджидали на новомъ мѣстѣ, пока мы подъѣдемъ, а затѣмъ снова спускались и рѣяли въ темномъ ущельи, какъ духи подземнаго царства. Вблизи перевала Найза-ташъ, около лужицы мы наѣхали на громадное количество бѣлыхъ бабочекъ, которыя тѣсною толпой облѣпили небольшой водоемчикъ и жадно пили грязноватую воду. Испугавшись лошадей, бабочки поднялись на воздухъ и, какъ конфетти, замелькали вокругъ, относимыя вѣтромъ въ разныя стороны. Подъемъ на перевалъ самый незначительный; видно, что впереди дно ущелья какъ бы ломается и тѣмъ самымъ отмѣчаетъ перевальную точку. Но найти эту точку оказалось далеко не такъ просто и пришлось потратить немало времени прежде, чѣмъ я установилъ водораздѣлъ и произвелъ на немъ наблюденія. Самъ по себѣ Найза-ташъ имѣетъ унылый, ничѣмъ не замѣчательный видъ. Ничего величественнаго, ничего подавляющаго въ скромныхъ скалистыхъ отрогахъ, обступающихъ съ боковъ сѣдловину перевала. Ни головокружительныхъ кручъ, ни пропастей, гдѣ въ жуткой темнотѣ шумѣли бы рѣки, ни орловъ, гордо парящихъ въ уровень съ пиками,—однимъ словомъ, ничего грандіознаго и удивительнаго, что создавало бы надлежащую обстановку для перевала въ 13 тысячъ футовъ высотой. И видъ съ перевала тоже скромный, посредственный, не блещущій красками и волшебными далями. Незначительные отроги и короткія гряды переплетаются между собою безпорядочной массой, которая понижается уступами къ Аличурской долинѣ и закрываетъ отъ зрителя большую часть горизонта. Склонъ Найза-таша, обращенный къ долинѣ, такой же пологій, какъ и восточный. Короткимъ ущельемъ мы спустились съ перевала къ первому пункту долины—урочищу Чатыръ-ташъ, названному такъ по громадному шатрообразному камню, Богъ вѣсть, какими судьбами попавшему въ него чуть не за двѣ версты отъ предгорій.

Отсюда долина тянется широкой полосой верстъ на пятьдесятъ, вплоть до Яшилъ-куля—живописнаго озера, окруженнаго ореоломъ

¹⁾ Мѣдный сосудъ, кувшинообразной формы, но съ болѣе вытянутымъ узкимъ горломъ.

сказаній, и своимъ положеніемъ среди параллельныхъ хребтовъ Базаръ-дара и Аличурскаго напоминаетъ долину Алайскую. Она, конечно, значительно меньше послѣдней, не представляетъ такой обширной альпійской степи, какъ та, но все-таки пріятно поражаетъ просторомъ, открытымъ горизонтомъ, увѣнчаннымъ пиками и зеленой, ровной, какъ скатерть, поверхностью. Ближе къ южному краю долины течетъ рѣка Аличуръ, извиваясь среди береговъ, песчаныхъ омутами и рѣчками, блестящими, какъ стеклышки, на яркомъ ослѣпительномъ солнцѣ. Кое-гдѣ у рѣки дымилась аула, гуляла стада, слышалось ржанье. За Чатыръ-ташемъ мы свернули въ сторону съ дороги и поѣхали къ ближайшему аулу. вмѣстѣ съ этимъ нашъ проводникъ выѣхалъ впередъ и, поспѣвая лошадеку, посылалъ въ аулъ, чтобы предупредить киргизовъ о нашемъ нашествіи. Здѣсь ночевалъ, какъ оказалось, очень богатый киргизъ «бай», владѣвшій большими стадами овецъ и «кутасовъ»¹⁾. Словно куча медвѣдей, паслись вблизи юртъ громадные яки, весьма свирѣпаго, но въ дѣйствительности очень миролюбиваго права животные. Они составляютъ весьма важный элементъ въ хозяйствѣ киргизовъ, являясь универсальнымъ животнымъ, въ высшей степени приспособленнымъ къ памирскимъ условіямъ. Уже одно то, что якъ незыскателенъ—самъ добудетъ себѣ пищу зимою и круглый годъ подъ открытымъ небомъ, не нуждаясь въ защитѣ,—составляетъ большое достоинство и требуетъ отъ киргиза минимумъ ухода и средствъ. Кромѣ того, это великолѣпный горный ходокъ. Ни громадная высота, ни снѣга не составляютъ для яка препятствія, и только на немъ можно совершить труднѣйшіе подъемы и головокружныя экскурсіи. Не хуже козла якъ идетъ по утесамъ и съ удивительной легкостью, непонятной для его грузной фигуры, онъ вмѣстѣ со всадникомъ перепрыгиваетъ глубокія трещины и взбирается на ужасныя кручи. Мнѣ самому приходилось въ Дарвазѣ, держась за хвостъ кутаса, какъ за надежный канатъ, залѣзть слѣдомъ за нимъ на столь дикія стѣны рѣчныхъ коридоровъ, что иногда не хватало смѣлости оглянуться назадъ. Но есть и недостатокъ у яка—онъ страшно упрямъ. Ужъ если онъ остановится, такъ лучше всего подождать—хоть стрѣляй его, съ мѣста не сдвинется.

Молоко кутаса густое и вкусное, но, благодаря, быть можетъ, удивительно грязной посудѣ, въ которой киргизы держатъ его, оно имѣетъ особый, специфическій запахъ, съ которымъ новичку довольно трудно бываетъ мириться. И въ то время, какъ Сазоновъ съ Мирзаматомъ, что называется, опивались ячьимъ молокомъ, я упорно отъ него отказывался и только къ концу путешествія, когда сталъ равнодушнымъ ко всевозможнымъ запахамъ, послѣдовалъ примѣру моихъ спутниковъ и началъ безъ смущенія пить его съ чаемъ...

¹⁾ Киргизское названіе яка.

Бай оказался чрезвычайно любезнымъ. Онъ предоставилъ въ наше распоряженіе всю свою юрту, натащилъ въ нее отовсюду ковровъ, одѣялъ, мягкихъ валиковъ, однимъ словомъ, устроилъ такую въ ней благодать, что, казалось, смотри на нее, да и радуйся. Дѣйствительно, пока было свѣтло, мы какъ нельзя лучше чувствовали себя, но съ наступленіемъ вечера все измѣнилось. Въ аулъ пришли съ пастбищъ стада, и мы на всю ночь очутились какъ на крошечномъ островѣ среди многочисленной и разнообразной скотины. Животныя сбились около юрты такой плотной массой, что нельзя было ступить за двери и шагу. И вотъ цѣлую ночь эта масса, какъ одинъ живой организмъ, чавкала жвачку, сопѣла, возилась и наполняла воздухъ острыми испареніями тысячи тѣлъ. Отъ оглушающей атмосферы скотнаго двора у меня мутилось въ головѣ, и я не зналъ, какъ дожидаться зари...

Прелестнымъ безвѣтреннымъ утромъ мы снялись съ ночлега и пошли къ Сасыкъ-кульскому озеру. Оно находится въ концѣ Аличурской долины, въ западной широкой части ея. На меридіанѣ Сасыкъ-куля намъ предстояло перевалить Аличурскій хребетъ съ тѣмъ, чтобы выйти въ долину рѣки Памиръ, а затѣмъ и Зорь-куля. Было очень свѣжо, и по берегамъ рѣки и по мелкимъ болотцамъ замерзла вода.

Пройдя верстъ пять, мы переправились черезъ Аличуръ и перешли на лѣвый берегъ. Теперь вся долина разстилалась вправо отъ насъ и упиралась зеленымъ ковромъ въ зубчатый хребетъ Базаръ-дара. Благодаря отличной погодѣ, ѣхать по долинѣ было одно удовольствіе. Мягкая дорожка, просторъ, дивный воздухъ, лазурное небо, такое глубокое, бархатистое, ясное, солнце и безконечныя горы. Горы скалистыя, горы и снѣжныя, горы близкія и далекія опоясали каменнымъ поясомъ весь горизонтъ и горятъ, сіяютъ бѣлыми шапками. Тихо. Кое-гдѣ видишь дымокъ, темныя юрты, пасутся кутасы. Чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ долина шире, но вмѣстѣ съ этимъ—бѣднѣе, пустыннѣе. Около мазара Абханъ дорога уклоняется къ югу, и почти тотчасъ съ этимъ поворотомъ рѣзко измѣняется характеръ долины. Зелени нѣтъ, опять голый камень, песокъ. По дорогѣ валяются кости и черепа архаровъ, иногда съ такими великолѣпными рогами, что удовлетворили бы самаго требовательнаго зоолога-любителя. Еще безотраднѣе стала дорога, когда повела по громаднымъ древнимъ моренамъ, образовавшимъ въ долинѣ цѣлыя горы. Можно представить себѣ, какіе ледники залегали нѣкогда въ Аличурской долинѣ и какіе титаническіе процессы совершались въ ней на протяженіи вѣковъ. За моренами мы спустились въ обширную котловину, на которой синѣло рѣзкой полосой озеро Сасыкъ-куль¹⁾). Ближе къ намъ, на пустынномъ со-

¹⁾ «Вонючее озеро» въ переводѣ.

лонцевомъ берегу чернѣла одинокая юрта. Она была обтянута старымъ, измызганнымъ войлокомъ, изъ котораго тамъ и сямъ, какъ ребра животного, торчали тонкія дуги деревяннаго остова. Около входа валялись переметныя сумы и стояла осѣдланная понурая лошадь. Юрта оказалась почтовой и хотя была слишкомъ непривлекательна видомъ, но мы все-таки рѣшили започевать въ ней, а не въ холодной солдатской палаткѣ. Съ помощью «почтачи» мы залѣпили дыры своими кошмами, болѣе мелкія позаштопали и въ концѣ концовъ устроили изъ жиденькой, ободранной юрты вполне спосный и непроницаемый уголъ. Убравши лошадей, мы съ Сазоновымъ захватили винтовки и пошли на озеро посмотрѣть, нѣтъ ли гусей. Консервы въ достаточной степени уже всѣмъ падоѣли, и поэтому хотѣлось внести хоть какое-либо разнообразіе въ наше питаніе. Къ сожалѣнію, у насъ было слишкомъ мало шансовъ на хорошую охоту, и я, грѣшнымъ дѣломъ, шель на озеро больше съ цѣлью посмотрѣть на него, чѣмъ учинить тамъ какую-либо охоту. Гуси вообще были очень сомнительны, такъ какъ время было не совсемъ подходящее, а на мелкую дичь въ родѣ утокъ нечего было и думать охотиться, такъ какъ, кромѣ берданокъ, у насъ не было дробового ружья. Озеро показалось мнѣ незначительнымъ. Трудно было повѣрить, что оно длиною пять верстъ, а до противоположнаго берега, видимаго съ такими подробностями, набирается въ дѣйствительности почти двѣ версты. Такъ сокращаетъ пространство удивительная прозрачность памирскаго воздуха! Вода въ озерѣ довольно противнаго вкуса, горько-соленая и еще была непріятна тѣмъ, что въ ней кишмя кишѣли крошечныя ракообразныя существа ¹⁾, придававшія водѣ въ маломъ количествѣ бурый оттѣнокъ. Берега озера низменные, солонцевые, съ небольшими кое-гдѣ возвышеніями, образованными, какъ видно, изъ водорослей, намытыхъ за долгое время прибоемъ. За этими возвышеніями тянулася голая равнина, чрезвычайно пустынная, и упиралась въ скалистыя предгорья однообразнаго пепельно-желтаго цвѣта. На озерѣ дулъ небольшой вѣтерокъ и рябилъ мелкими волнами лазурную поверхность. Съ тихимъ шуршаніемъ и плескомъ набѣгали волны на низменный берегъ, заливали его журчащимъ потокомъ, а затѣмъ быстро уходили назадъ, оставляя послѣ себя клочки пѣны и мелкіе камешки. Меланхолическій прибой и золотистый закатъ, отражавшійся въ озерѣ, порождали въ душѣ неясныя тревожныя грезы, какое-то смутное ощущеніе міровой души, трепетавшей во мнѣ и въ молчаливой пустынѣ, и въ скалистыхъ хребтахъ, и въ блестящемъ, какъ зеркало, озерѣ. Охота на гусей, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялась, такъ какъ на озерѣ ихъ не нашлось. Зато много встрѣчалось атаекъ ²⁾; цѣлыми

¹⁾ Изъ рода *Artemia*.

²⁾ Красная утка.

сотнями онѣ плавали около береговъ и, словно чувствуя, что охотники имъ не опасны, самымъ вызывающимъ образомъ подпускали насъ на десятки шаговъ. Кончилось тѣмъ, что Сазоновъ не выдержалъ и выстрѣлилъ пулей по ближайшему стаду. Всполошилось утиное царство, закричало, поднялось громадными стаями и засвѣтили въ воздухѣ тысячи крыльевъ. Мы закинули винтовки на плечи и направились къ дому. Въ юртѣ оказалось цѣлое общество. Пока мы неудачно охотились, сюда пріѣхали изъ Шугнана таджики. Они пробирались на памирскій постъ или, вѣрнѣе, «базарчикъ», на который везли нѣсколько мѣшковъ грецкихъ орѣховъ. До сихъ поръ я еще не видѣлъ таджиковъ и потому съ большимъ интересомъ смотрѣлъ на этотъ новый народъ, одинъ изъ отпрысковъ арійскаго племени. Прежде всего, взглянувъ на представителей великаго племени, надо сказать—бѣдность. Домотканый халатъ, превратившійся изъ бѣлаго въ сѣрый, тюбетейка, повитая краснымъ платкомъ, и короткіе «пичиги», надѣтые на толстые, ковровой вязки чулки съ простыми узорами, составляли весь ихъ нарядъ. Но статныя фигуры таджиковъ и правильныя черты лица вмѣстѣ съ красивой, музыкальной рѣчью сильно скрашивали впечатлѣніе убожества отъ моихъ новыхъ знакомыхъ и располагали невольно въ ихъ пользу. То же нужно сказать и про манеры таджиковъ, обличавшія въ нихъ ловкихъ, не лишенныхъ изящества горцевъ хотя и удержавшихъ слѣды извѣстной забитости, какъ результатъ, плохо сложившейся политической жизни. Кто не накладывалъ только тяжелой руки на таджиковъ? Жали ихъ «миры» ¹⁾, давили афганцы, разоряли киргизы, а теперь Бухара, если и не проявляетъ былой кровожадности, то въ полномъ смыслѣ обираетъ таджиковъ до нитки. Берутъ съ нихъ подать за все: и за то, что посѣялъ, и за то, что пасешь своихъ быковъ на своемъ же участкѣ.

Сперва таджики дичились меня, старались держаться въ сторонкѣ, но послѣ чая посмѣлѣли и разговорились. Правда, разговоръ былъ отрывочный, но все-таки кое о чемъ мнѣ удалось разспросить одного изъ таджиковъ, знавшаго говорить по-киргизски. Съ большимъ оживленіемъ онъ говорилъ про Шугнанъ, про дороги на скалахъ, про жизнь въ кишлакахъ и въ результатѣ согласился на мою просьбу пропѣть нѣсколько пѣсенъ. Другой таджикъ, тонкій и рыжій, сходилъ къ своимъ лошадямъ и принесъ шапку орѣховъ и бубень. Онъ усѣлся рядомъ съ пѣвцомъ и, тихонько постукивая, приготовлялся къ концерту. Тотъ закрылъ глаза и запѣлъ. Вывелъ длинную тонкую ноту и вдругъ оборвалъ. Бубень стучить. Опять рѣзкій звукъ, и таджикъ какъ будто заплакалъ. Страстно заговорилъ онъ о чемъ-то, и снова звучитъ длинная высокая нота. Печальная и однообразная, какъ ледяная пустыня, неслась эта мелодія къ озеру и короткими стонами

¹⁾ Правители Вахана.

перекликалась въ горахъ. Пѣня заражала и трогала неподдѣльностью чувства. И когда окончился этотъ дикій концертъ, я чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ...

Рано утромъ таджики уѣхали; когда я вышелъ изъ юрты, то видѣлъ только, какъ они поднимались гуськомъ на морену.

Съ озера Сасыкъ-куля мы поѣхали въ южномъ направленіи къ перевалу Кумды въ разрѣзъ Аличурскаго хребта. Вначалѣ дорога идетъ широкимъ песчанымъ ущельемъ, которое постепенно суживается и невдалекѣ отъ вершины загромождается камнями. Крутой склонъ его въ полномъ смыслѣ усяянь громадными валунами, среди которыхъ нужно долго лавировать, чтобы найти какую-либо дорогу и провести лошадей. Но все-таки въ общемъ подъемъ на перевалъ скорѣе нетрудный и за исключеніемъ верхней трети его наши лошади достигли вершины безъ большого усилія. Гребень Кумды находится на высотѣ въ 15 тысячъ футовъ и представляетъ просторную сѣдловину, украшенную двумя небольшими прудами. Каждый изъ нихъ заключался въ красивой рамкѣ густой сочной зелени и альпійскихъ цвѣтовъ, отражавшихъ прелестныя голубыя головки въ зеркальной поверхности холодной прозрачной воды. Благодаря этимъ прудамъ, вершина перевала казалась такимъ поэтическимъ уголкомъ, представляла столь рѣдкое сочетаніе горъ, неба и зелени, что мнѣ очень хотѣлось разбить на ней палатку и провести хотя одну только ночь въ этомъ сказочномъ, заоблачномъ мірѣ. Къ сожалѣнію, этому не суждено было исполниться. Мои спутники запротестовали столь рѣшительнымъ образомъ, что пришлось имъ уступить и оставить мысль о почлегѣ. Особенно упорствовалъ нашъ проводникъ, увѣрявшій меня, что ночью на перевалѣ будетъ такой сильный вѣтеръ, что если и не смететъ насъ отсюда, какъ соръ, то во всякомъ случаѣ растреплетъ палатку. И это могло бы, конечно, случиться, тѣмъ болѣе, что погода начала уже портиться и облака стали облѣплять перевалъ. Скоро посыпалась снѣжная крупа, и надо было уходить отсюда, пока не разыгралась метель. Южный склонъ перевала оказался болѣе крутымъ, нежели сѣверный, но зато болѣе короткимъ и далеко не такъ каменистымъ. Спустившись съ кручи, мы пошли наискось по склону хребта къ востоку, пересѣкая лощинки и раздѣляющіе ихъ небольшіе увалы. Теперь мы очутились въ бассейнѣ озера Викторіи, въ области еще болѣе пустынной, чѣмъ все до сихъ поръ нами пройденное. Ни юртъ, ни людей, ни гуляющихъ стадъ нельзя было замѣтить на обширномъ пространствѣ мрачной долины. И близко, и вдали голый камень, остатки моренъ, слѣва мертвыя скалы Аличурскаго хребта, и на горизонтѣ плотная завѣса дождя и густого тумана. По обрывистому спуску мы сошли къ рѣкѣ Памиру, представляющей теперь нашу границу съ афганцами. Кое-гдѣ на ней держался еще зимній ледъ, и она глухо шумѣла среди черныхъ большихъ валуновъ,

выставлявшихся изъ воды угрюмыми оледенѣлыми пнями. Нигдѣ кругомъ не было мѣстечка, куда можно было бы поставить палатку и заночевать. Пришлось ѣхать выше по рѣкѣ къ Мазаръ-тепе, въ которомъ, по словамъ проводника, берега много положе, не такъ каменисты и вообще представляютъ большія удобства какъ для лошадей, такъ и ночлега. Къ тому же это урочище находится вблизи отъ Зоръ-куля, того желаннаго озера, къ которому такъ давно я стремился и, ночуя въ Мазаръ-тепе, можно было въ одинъ день предпринять и закончить поѣздку на озеро. Мы ѣхали почти безъ дороги, придерживаясь рѣки, какъ путевой нити, не смущаясь тѣмъ, что надо было часто залѣзать въ самую воду, забираться на крутой, осыпающійся берегъ и пробѣзжать по узенькимъ тропочкамъ. Къ нашему несчастью, начался скоро проливной дождь со снѣгомъ и если раньше время тянулось ужасно, то теперь казалось, что не будетъ конца нашей дорогѣ и мытарствамъ. Безнадежно я посматривалъ по сторонамъ, не найдется ли пещеры, куда можно бы спрятаться, но, увы, версты проходили, а такой благодати все не встрѣчалось. Пришлось помириться съ дождемъ, мокнуть безъ всякой надежды укрыться и утѣшать себя тѣмъ гордымъ сознаніемъ, что ѣдешь по великому историческому пути, соединявшему съ древнихъ временъ с.-западную Индію и западную Азію съ ея восточной частью—Китаемъ. Этой пустышной долиной двигались арміи, проходили народы, шли путешественники. Здѣсь проходилъ Сюань-цзань¹⁾, путешественникъ древности, который между прочимъ говоритъ о Памирѣ: «Памиръ тянется между двухъ горныхъ цѣпей, покрытыхъ снѣгами. Вѣтры бушуютъ днемъ и ночью. Почва пропитана солью. Растительность такъ туга, что на большомъ пространствѣ попадется трава или дерево. Вступивъ на этотъ путь, не увидишь человѣческаго жилища». Позднѣе былъ на этомъ пути Марко-Поло²⁾, ѣздившій изъ Венеціи къ монгольскому хану, и тоже оставилъ намъ очеркъ дороги. Въ прошломъ столѣтіи здѣсь путешествовалъ Вудъ, отважный англичанинъ, проникшій изъ Индіи, потомъ Форсайтъ со своей экспедиціей, подробно изучившій южный Памиръ, и, наконецъ, здѣсь работала англо-русская комиссія³⁾ по разграниченію сферъ вліянія Россіи и Англіи. Результатъ комиссіи былъ довольно плачевный. Занявши Памиръ до Гиндукушскаго хребта, до естественной границы Памира на югъ, мы тѣмъ не менѣе уступили по настоянію Англіи сѣверный склонъ Гиндукуша афганцамъ и передали имъ важнѣйшій путь по верховью Акъ-су. Такимъ образомъ, мы разомъ потеряли и выгодное положеніе къ путямъ въ Индію черезъ Гиндукушъ, и отдали въ руки противника подступы къ

¹⁾ Китайскій ученый династіи Танъ VI ст.

²⁾ Въ XIII вѣкѣ

³⁾ Въ 1896 году.

нашимъ позиціямъ, не говоря уже о тѣхъ уродствахъ и курьезахъ, что получились въ обществахъ таджиковъ проведеніемъ границы по Пянджу. Вечеромъ мы добрались до высокаго кургана, насыпаннаго кѣмъ-то у самой рѣки. Оказалось, что этотъ курганъ и есть Мазаръ-тепе, и здѣсь около него предстояло намъ почевать. И какой же печальный былъ это ночлегъ. Прежде всего, не оказалось здѣсь топлива. Ни кизяку, ни терескена не удалось добыть моимъ спутникамъ. Да и собирать его въ такую погоду было никому не по силамъ. Дождь и снѣгъ не прекращались ни на минуту, а холодный вѣтеръ леденилъ намокшее платье. Кое-какъ разбили палатку, залѣзли въ нее и улеглись спать на тощій желудокъ. Но и спать хорошо мнѣ не пришлось. Въ изголовьи шумѣла рѣка, фыркали продрогшія лошади, и отъ принесеннымъ въ палатку мѣшковъ, мокрыхъ сѣделъ, наконецъ, отъ промозглыхъ халатовъ сосѣдей, притулившись на кошмѣ рядомъ со мною, былъ такой густой воздухъ, что мнѣ стало плохо и я пріоткрылъ уголь палатки... На утро все было подъ снѣгомъ, слегка подмораживало и по бѣлымъ полямъ кружилась поземка. Словно громадная скатерть закрыла пустыню; исчезли неровности, скрылись хребты и не было ничего такого, что напоминало бы вчерашнюю мѣстность. И это былъ Петровъ день — веселый лѣтній праздникъ далекой Россіи; праздникъ съ цвѣтами, бабочками, хороводами, пѣснями...

При такихъ условіяхъ идти на Зоръ-куль вмѣстѣ съ व्यюками представлялось немыслимымъ, и мы рѣшили здѣсь раздѣлиться. Мирзамать съ проводникомъ и всѣми пожитками пошли назадъ въ Дженанды, на мѣсто нашего выѣзда на р. Памиръ съ перевала, а мы съ Сазоновымъ, захвативши приборы, рѣшительно отправились къ озеру. До Зоръ-куля оставалось не больше верстъ десяти, но съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что дорога будетъ нелегкая. Снѣгъ заровнялъ всѣ неровности, и лошади поминутно попадали въ промоины и спотыкались, царапая ноги на закрытыхъ камняхъ. Чтобы не сбиться съ пути, мы, при всѣхъ неудобствахъ подобнаго выбора, держались поближе къ водѣ, зная, что рѣка такъ или иначе доведетъ насъ до озера. На снѣговой пеленѣ она выдѣлялась рѣзко очерченной лентой и съ тихимъ шумомъ плескалась на оледенѣлые камни. Мѣстами на рѣкѣ попадались атайки и большіе орланы, которые, съежившись, сидѣли на одинокихъ камняхъ и, вѣроятно, не меньше насъ терпѣли отъ скверной погоды. Наше присутствіе ихъ не беспокоило; птицы довѣрчиво сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ и только когда приходилось ѣхать прямо на нихъ, то, нехотя, съ сожалѣніемъ разставаясь съ насиженнымъ мѣстомъ, они тяжело поднимались и безшумно летѣли куда-либо въ сторону. Берега рѣки постепенно понижались и становились болѣе отлогими и низменными. Наконецъ черезъ два часа пути мы выѣхали

на просторную равнину и очутились въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ озера. На первыхъ порахъ оно поразило меня неожиданно большими размѣрами; берега его исчезали въ снѣжномъ туманѣ и казалось, что стоишь передъ необъятной водной поверхностью. Но немного погодя, когда метель перестала и горизонтъ немного очистился, можно было разглядѣть конфигурацію береговъ и составить объ озерѣ болѣе вѣрное и полное представленіе. Озеро Зорь-куль¹⁾, или, какъ называлъ его Вудъ въ честь своей королевы,—озеро Викторіи принадлежитъ къ крупнѣйшимъ озерамъ Памира, а по высотѣ надъ уровнемъ моря, достигающей 13390 футовъ,—къ высочайшимъ на земной поверхности. Оно простирается съ востока на западъ на протяженіи 18 верстъ, при ширинѣ отъ 2 до 3¹/₂ верстъ, представляя, такимъ образомъ, сильно растянутый эллипсъ. Въ отличіе отъ другихъ памирскихъ озеръ, вода въ Зорь-куль прѣсная, пріятнаго вкуса, чрезвычайно прозрачная, сѣровато-голубого нѣжнаго цвѣта. Съ южной стороны долина Зорь-куля упирается въ глухой и труднодоступный хребетъ Николая, а на сѣверѣ она ограничена Аличурскимъ хребтомъ, смотрящимся въ озеро дикимъ иззубреннымъ гребнемъ. Мѣстность вообще крайне пустынная, и вполне понятно, что здѣсь водятся барасы, кунцы, медвѣди, которые, какъ говорили киргизы, часто питаются рыбой, добывая ее очень искусно изъ озера. Пока я устранивалъ изъ бурки шалашъ и опредѣлялъ высоту кипятильникомъ, снѣгъ началъ таять. Тамъ и тутъ зачернѣли проталины и, сливаясь другъ съ другомъ, очень быстро открыли почти всю долину. Вслѣдъ за этимъ прояснилась даль, и по той сторонѣ озера засіялъ льдомъ и снѣгами хребетъ Николая. Можно было хотя недолго полюбоваться чудной панорамой горъ съ сѣдыми вершинами, обступившими тѣснымъ кольцомъ красивое величавое озеро. Но снова облака повисли надъ озеромъ, снова повалилъ хлопьями снѣгъ, и замелькали снѣжинки, шелестя и кружась надъ водою... Въ Дженанды мы вернулись съ Зорь-куля только къ вечеру. За наше отсутствіе Мирзамать съ проводникомъ набрали кизяку, и, благодаря ихъ старанію, мы устроили на этотъ разъ себѣ чай и согрѣли консервы. Вечеръ обѣщалъ быть хорошимъ, но словно нарочно начался сильный дождь, отъ котораго трудно было спастись даже въ палаткѣ. Въ ней появились цѣлыя лужи и только съ большимъ трудомъ, прокопавши канавки, намъ удалось отвоевать сухой уголокъ для ночлега. Но этимъ дѣло не кончилось, и, только пересталъ быть дождь, началось землетрясеніе. Послышался глухой подземный ударъ, и тотчасъ наша палатка, вся долина и могучія горы затряслись, какъ въ лихорадкѣ. Мы тотчасъ высочили взглянуть, что творится въ природѣ, но явленіе кончилось, и

¹⁾ Въ переводѣ «большое озеро».

только въ Аличурскихъ горахъ что-то ухало, словно рвали тамъ порохомъ скалы. Лошади сбѣлись въ тѣсную кучу, храпѣли и нервно топтались... За ночь снова похолодѣло, и, какъ наканунѣ, утро началось снѣжной метелью. Жестокій вѣтеръ, этотъ настоящій бичъ Памира, дулъ съ низовьевъ рѣки и несъ на насъ цѣлыя тучи мокраго снѣга. Намъ предстояло идти отсюда въ Ваханъ, на устье рѣки Памира, впадающей въ Пянджъ у Лянгара, перваго селенія таджиковъ и нашего военного поста. Какъ и вчера, дорогу засыпало снѣгомъ, и мы ѣхали, придерживаясь, какъ только было возможно, рѣки. Часто приходилось взлѣзжать на обрывистый берегъ и брать направленіе, руководствуясь компасомъ. Къ нашему благополучію, такіе марши «прямыми» обошлись безъ членовредительства, хотя лошади падали не разъ, спотыкаясь на камни. Къ полудню снѣгъ пересталъ и замѣнился дождемъ. Стало теплѣе. Съ каждой верстой мы спускались все ниже и уходили съ холодныхъ высотъ въ болѣе теплыя зоны. На минутку показалось даже солнце. Брызнуло свѣтомъ, кинуло громадную радугу на темную тучу и тотчасъ же скрылось за густымъ, мрачнымъ облакомъ. И еще печальнѣе стало кругомъ, неуютнѣе. Въ Юль-Мазарѣ на высотѣ 12000 футовъ появились уже кустарники, и на зеленомъ мыску, гдѣ мы разбили бивакъ, онъ росъ цѣлой рощей. Появились здѣсь какія-то пичужки вродѣ нашего дятла, и за Мазаромъ на горкѣ крикнулъ сурокъ. Отъ Юль-Мазара до Лянгара считаютъ 45 верстъ, но по свойствамъ дороги, хотя и очень живописной, кажется, что тутъ значительно больше. Рѣка глубже врѣзается въ горы, и паденіе ея сильно увеличивается съ каждой верстой. Тропинка ныряетъ по глубокимъ оврагамъ, то поднимаясь подъ снѣга въ горы, то спускаясь къ уровню рѣки Памиръ, грохочущей каскадами въ узкой тѣснинѣ. Минуя бѣшеную рѣчку Масъ, дорога уходитъ выше и выше на Ваханскія горы. Рѣка Памиръ совершенно исчезаетъ въ тѣснинѣ и только временами нѣтъ, нѣтъ, да и сверкнетъ далеко внизу серебристой излучиной. Впереди показываются вышки Гиндукуша, влѣво отступаютъ дикими утесами горы Николая II, начинаются пастбища, изумрудно-зеленыя поля, и, наконецъ, передъ самымъ Лянгаромъ съ высоты открывается красивая панорама долины. Душа радуется, когда послѣ мрачныхъ бесплодныхъ громадъ Памира взоръ ласкается массой зелени и грудь свободно вдыхаетъ теплый ароматный воздухъ полей. Куда ни взглянешь — заросли облѣпихи, тополя, смородины, цвѣтущаго шиповника; на поляхъ идутъ работы—однимъ словомъ, начинается другой, теплый и радостный край. Мы спускаемся по крутой тропѣ, пробѣгаемъ ручей, прыгающій среди огромныхъ камней, испещренныхъ именами проходившихъ на службу солдатъ, и вступаемъ, наконецъ, въ область таджиковъ — Ваханъ. Нашъ постъ расположенъ у се-

ленія таджиковъ, при впаденіи р. Памира въ Ваханъ-Дарью, отсюда уже получающую названіе Пянджа. Противъ поста Пянджъ течетъ широкой мутной рѣкой, покрытой островками, поросшими облѣпихой, въ непроходимой чащѣ которой находитъ себѣ убѣжище множество кабановъ. Ширина долины достигаетъ пяти верстъ и на югѣ замыкается громадной стѣной хребта Гиндукуша. Почти безъ предгорій онъ поднимается со дна долины на гигантскую высоту и съ ледянымъ спокойствіемъ взираетъ на суетливую жизнь крошекъ-людей, радующихся и страдающихъ у его подножія. За правильной чертой вѣчнаго снѣга, въ области могильной тишины и сверкающихъ льдовъ поднимаются изъ тѣла хребта грандіозные конусы пиковъ, оберегающихъ пути и перевалы въ красавицу Индію. На Лянгарѣ, въ домикѣ начальника поста мы прожили до 5-го іюля, отдыхали, собирали коллекціи и знакомились съ новымъ народомъ—таджиками. Съ незапамятнаго времени они населяютъ оба берега Пянджа, и на протяженіи 350 верстъ отъ кишлака Сархадъ до параллели перевала Одуди въ Рошанскомъ хребтѣ расположились ихъ общества: Ваханъ, Горанъ, Шугнанъ и Рошанъ, пограничный съ Дарвазомъ. По милости англо-русской комиссіи рѣка Пянджъ дѣлитъ теперь эти однородныя общества между нами и афганцами, что создаетъ для таджиковъ крайне уродливое положеніе. По религіи горные таджики—мусульмане шіитскаго толка, распространеннаго здѣсь около VI столѣтія Али, любимымъ героемъ ихъ многочисленныхъ легендъ и сказаній. Али пришелъ съ многочисленнымъ войскомъ откуда-то съ запада и обрушился на Кахъ-каха, царя сіахъ-пушей, населявшихъ Ваханъ до прихода таджиковъ. Послѣ разгрома Али этотъ неизвѣстный народъ ушелъ изъ Вахана, оставивъ послѣ себя развалины крѣпостей и замковъ, украшающихъ неприступныя скалы. Особенно громадныхъ размѣровъ существуютъ развалины около селенія Пшупъ и въ излучинѣ Пянджа у Наматъ-гута, въ которыхъ, по преданію, жилъ царь Кахъ-каха. Таджики селятся около мѣстъ, гдѣ возможно расчистить отъ камней участки земли и такъ или иначе провести къ нему воду для орошенія. И надо отдать имъ справедливость въ рѣдкомъ терпѣніи и кропотливомъ трудѣ, съ которыми они превращаютъ въ цвѣтущее поле сухіе участки, освобождая ихъ отъ множества камня и проводя чуть не за версты воду, часто по скаламъ самымъ хитроумнымъ, удивительнымъ образомъ. Но живетъ таджикъ очень бѣдно, въ убогихъ постройкахъ изъ дикаго камня, похожихъ болѣе на зимовку скота, чѣмъ на людское жилище. Главнымъ занятіемъ ихъ является земледѣліе, незначительное скотоводство и мелкіе кустарные промыслы, какъ, напр., выдѣлка особаго бѣлаго сукна, примитивной домашней посуды, чулокъ и т. п. Сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу, ячмень, бобы, горохъ, которые, несмотря на высоту долинъ около 9200 футовъ, хорошо

вызрѣвають и даютъ сносный урожай. Количествомъ выѣвшаго зерна ячменя или пшеницы таджики измѣряютъ площадь посѣва, единицей котораго служить «заминъ», требующій для обѣмненія $2\frac{1}{2}$ «лупъ-поръ», равнаго приблизительно нашему пуду. Въ отличіе отъ киргизовъ ваханцы разводятъ коровъ, также кутасовъ и замѣчательно мелкихъ овецъ, стоимость которыхъ при мнѣ не превышала двухъ рупій¹⁾. Женщины таджиковъ ходятъ съ открытыми лицами, но поражаютъ своимъ неряшливымъ видомъ. Чаше видишь ихъ въ грязной посконной рубахѣ, съ растрепанными волосами, съ тупымъ животнымъ выраженіемъ на нездоровомъ лицѣ. Но въ общемъ таджики оставляютъ хорошее впечатлѣніе, какъ мечтательный и трудолюбивый народъ, но приниженный и ушедшій въ себя благодаря тяжелымъ обстоятельствамъ политической жизни. До появленія русскихъ Ваханомъ правили «миры», подчинявшіеся Бадахшану, и жили послѣднее время въ замкѣ Кала и Пянджъ, расположенномъ на лѣвомъ берегу Пянджа, наискось отъ нашего поста въ Лянгарѣ. Въ настоящее время тамъ живетъ афганскій офицеръ съ небольшимъ числомъ «сарбазовъ» и несетъ пограничную службу, тщательно скрываясь отъ взоровъ противника въ четырехугольных глиняныхъ башняхъ. Въ окрестностяхъ Лянгара имѣются горячіе ключи съ весьма высокой температурой. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ мнѣ пришлось ближе познакомиться, находится отъ поста въ двухъ верстахъ и представляетъ весьма интересное явленіе. На крутомъ скатѣ горы, на высотѣ отъ дороги около 50 сажень, на небольшой площадкѣ бьютъ два ключа—горячій въ 45° и холодный въ 16° по Цельсію, въ разстояніи одной сажени отъ горячаго и немного повыше. Этимъ счастливымъ расположеніемъ ключей воспользовалось населеніе поста и, устроивши около горячаго ключа водоемъ, напускаетъ въ него горячую воду, разбавляя ее по желанію холодной. Благодаря этому обстоятельству, постъ имѣетъ прекрасную природную баню.

Протившись съ милымъ хозяиномъ, мы поѣхали жаркимъ іюльскимъ днемъ внизъ по долинѣ Пянджа къ Шугнану. Дорогой почти непрерывно прорѣзаются различныя культуры, заросли облѣпихи и маленькіе кишлаки таджиковъ, поэтически поставленные на обрывистыхъ склонахъ среди зелени абрикосовъ, яблонь, шиповника. На лѣвой сторонѣ, примыкая крутыми склонами къ Пянджу, мрачно смотреть въ долину сѣдыми вершинами колосовъ Гиндукушъ, а направо уходить въ поднебесье Ваханскій хребетъ. Весь этотъ ландшафтъ, залитый горячимъ солнечнымъ свѣтомъ, съ необыкновенно красивой далью горныхъ исполиновъ, сіяющихъ ледяными одеждами, развалины древнихъ замковъ, гнѣздящіяся на утесахъ,

¹⁾ Рупія по курсу около 55 копеекъ.

и роскошное южное небо,—все это приводитъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе.

Такая дорога въ виду Гиндукуша тянется на двухъ переходахъ до поста Ишкашимъ или Мульводжъ. Отсюда Пянджъ поворачиваетъ къ сѣверу, суживается и неодолимымъ потокомъ врѣзается въ тѣло дикихъ хребтовъ, создавая въ нихъ мрачное и фантастически красивое ущелье. Начинаются предѣлы Шугнана...

Н. Корженевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

